

АНТОН ЧИЖ

МАШИНА СТРАХА
ЛАБИРИНТ
ВАНЗАРОВА

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Лабиринт Ванзарова

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиж А.

Лабиринт Ванзарова / А. Чиж — «Эксмо», 2023 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-04-190778-5

Конец 1898 года. Петербург взбудоражен: машина страха погибла, нужно новое изобретение, выходящее за границы науки. Причина слишком важна: у трона нет наследника. Как знать, возможно, новый аппарат пригодится императорскому двору. За машиной правды начинается охота, в ходе которой гибнет жена изобретателя... Родион Ванзаров единственный из сыска, кому по плечу распутать изощренную загадку, но сможет ли он в этот раз выдержать воздействие тайных сил и раскрыть замысел опасных преступников? Антон Чиж – популярный российский писатель детективов. Его книги изданы общим тиражом более миллиона экземпляров. По остросюжетным романам Антона Чижа были сняты сериалы «Агата и сыск. Королева брильянтов» и «Агата и сыск. Рулетка Судьбы». Писатель в 20 романах создал, пожалуй, самых любимых читателями героев исторических детективов: Родиона Ванзарова и Аполлона Лебедева, Алексея Пушкина и Агату Керн. Острый, динамичный, непредсказуемый сюжет романов разворачивается в декорациях России XIX века. Интрига держит в напряжении до последней страницы. Кроме захватывающего развлечения, современный читатель находит в этих детективах ответы на вопросы, которые волнуют сегодня.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190778-5

© ЧиЖ А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

21 декабря 1898 года, понедельник[1]	11
22 декабря 1898 года, вторник	13
23 декабря 1898 года, среда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	69

АНТОН ЧИЖ

Лабиринт Ванзарова

© Чиж А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

«Лабиринт Ванзарова»
завершает цикл «Машина страха»
и трилогию «Лабиринт Просперо»,
«Лабиринт Химеры»,
но может читаться
как самостоятельное
произведение.

АНТОН
ЧИЖ

ЛАБИРИНТ
ВАНЗАРОВА

МОСКВА
2023

Запутанные ходы в недрах нашей души простираются так далеко, что мы можем ожидать невероятных на первых взгляд открытий. Они содержат такие богатые сокровища, что следовало бы привлечь

*к сотрудничеству каждого психолога и сказать ему: возьми лопату,
кирку и сам копай.*

Max Dessoir. «Das Doppel-Ich», с. 60, Лейпциг, 1896

21 декабря 1898 года, понедельник¹

Благодаря наступившему морозу понизились на 25 процентов цены на битую птицу и другую провизию, продаваемую к празднику на столичных рынках.

«Петербургский листок», 21 декабря 1898 года

1

Вьюга рыскала по улицам, проспектам, площадям. Искала кого-то в окнах, дворах, подворотнях. Заметала Петербург морозной пеленой. Висла на усах городских снежной шубой. Донимала ознобом запоздалого прохожего. Подгоняла пролетку, бегущую по хрустящему снегу. Искала и уносила прочь, прочь, прочь из этого мира.

Город спал, убаюканный декабрьской вьюгой. Спали чиновники, барышни, офицеры. Спали кухарки, гимназисты, учителя. Спали приказчики, аристократы и дворники. Спали актрисы, фабриканты, студенты. Спали швейцары, половые и купцы. Спали воры, нищие и арестанты. Столица спала. Видя во снах скорые праздники, многие радости и щедрые дары.

Окна в доходном доме были темны. Только в окне третьего этажа мерцал огонек. Комнату освещала свеча. Подсвечник поставили рядом с зеркалом в бронзовой раме, в каких барышни присматривают за красотой. Зеркало держалось на невысокой этажерке, плотно заставленной книгами. Легкую мебель перенесли близко к обеденному столу, на котором находилось иное зеркало. Зеркала смотрелись друг в дружку. Огонек свечи робко заглядывал в бесконечный лабиринт отражений, дивился, вздрагивал.

Меж зеркалами сидел мужчина, развернув стул так, что локти опирались на резной край спинки. Веки сомкнуты. Лицо напряжено. Кулаки сжаты.

– Пора... Пора, – сказал он, зажмурился накрепко и глубоко задышал.

Огонек свечи дрогнул, отражения повторили за ним.

Ослабив кулак правой руки, господин выставил указательный палец и медленно направил к зеркалу. Подушечка коснулась зеркальной поверхности. Палец замер и продвинулся еще. Зеркалу деваться было некуда. Приходилось терпеть грубое тыканье.

Палец напирал сильнее. Зеркало еле держалось на гнутых ножках. Палец вел себя возмутительно. Давил и наседал. Возразить ужасным манерам зеркалу было нечем. Оно сдвинулось к краю этажерки. Еще немного, и упадет. Но тут палец замер.

Не открывая глаз, господин разжал левый кулак. В ладони оказалась узкая дощечка с приделанным шнурком: концы закреплены, середина свободно изгибается буквой U. Господин дернул шнурок, потом еще раз, затем сильнее. Что-то треснуло. Открыв глаза, он обнаружил, что шнурок болтается оторванным.

Швырнув дощечку, господин вскочил.

– Бесполезно! – прохрипел он. – Что же такое... Собрано, как должно: концентрация, мысленное усилие, вектор воли. Точно по записям... Почему же...

Глянув в коридор отражений, он отодвинул зеркало от опасного края, сел. Закрыв глаза, унял дыхание. Подождал, сидя в тишине. И протянул к зеркалу ладонь.

Огонек вздрогнул.

¹ Все даты даются по старому стилю. По новому стилю: 4 января.

Ладонь коснулась стекла. Зеркало послушно сдвинулось. Ладонь насадала. Зеркало отступило к краю этажерки. Ладонь преследовала. Зеркало молило о пощаде, ладонь была настойчива. Зеркало держалось, сколько могло, пока под ним не оказалась пустота.

Тихий шорох и грохот осколков.

– Почему? Почему? – услышал огонек.

Ответа огонек не знал. Ответа не было. И успеха не было. Успех подарит безграничные возможности. Не будет невозможного. Все, что было невозможным, станет возможным. Вернуть невозвратное. Исправить неисправимое. Границы возможного исчезнут.

Господин поднял брошенный лист. Строчки плясали и прыгали. Он перечитал и убедился: сделано верно. Почему же опять неудача?

Вероятно, что-то упущено... Что-то осталось скрытым...

Он вскочил, отшвырнул стул, ударил кулаком уцелевшее зеркало. На полу прибавилось осколков, блестящих снежной россыпью.

– Идти до конца, – прошептал он. И смахнул подсвечник.

Огонек пал, ухватился за листок, стал крепнуть. Ботинок затоптал его. Взлетел дымок. И сгинул в темноте.

– Понять, понять: в чем ошибка? Что сделано не так?

Он глянул в темный угол комнаты. Ответы скрывались там, но до них не добраться. Ну и пусть. Теперь уж нечего терять. Надо успокоиться, остыть, найти выход. Иначе всему конец. Все погибнет. Все будет напрасно...

Бешенство мучило. Он ударил ногой по этажерке, с глухим стуком посыпались книги, отшвырнул стул. Нельзя, нельзя, нельзя... Надо остановиться...

Он бросился к окну, припал лбом к морозным узорам. Стекло поцеловало холодком. Стало легче.

Сквозь хлопья снега на той стороне улицы сонной скалой темнел дом. Ни огонька в окнах. Спят... Пусть спят... Им знать не положено... Никому знать нельзя. Тайной невозможно поделиться. Придется самому... И будь что будет...

В ночи стонала декабрьская вьюга. Искала кого-то, кто поймет ее бессонное метание. Искала того, кто утешит. Искала близкую душу, одинокую, как она. Заглянула в окно, за которым виднелся смутный силуэт, метнула белым облачком и понеслась прочь. Нет ей ни сна, ни покоя, ни утешения. Ни в эту ночь, никогда.

Как нет покоя душе, сжигаемой желанием.

22 декабря 1898 года, вторник

Новое средство от чахотки.

Проживающий в Петербурге врач И. Л. Безчинский, как нам передают, открыл новое средство для лечения туберкулеза, которое было уже с успехом испробовано на многих больных. Средство представляет собою озонированную жидкость, составные части которой держатся пока в секрете. В настоящее время г. Безчинский готовит обширный доклад о своем средстве для представления в Медицинский департамент.

«Петербургский листок», 22 декабря 1898 года

2

Вера Сергеевна считала себя женщиной прогрессивной. То есть не верила в религию, спиритизм, переселение душ, посмертные видения, магию, гадание на картах, чудеса индийских факиров, привидения и предсказание цыганок.

Как любящая жена, она не только помогала мужу в научных опытах, но и целиком разделяла его взгляды. В сухие правила науки она добавляла восторженность. Если кто-то имел неосторожность похвалить спиритический сеанс, Вера Сергеевна налетала с такой страстью, что несчастный зарекался спорить с женщинами.

Строго научный, то есть правильный, взгляд на мир обрел цепного пса в юбке. Если бы Вера Сергеевна родилась в Древнем Риме и оказалась женой Цезаря, она бы с таким же усердием скармливала львам первых христиан, посмеявших отрицать олимпийских богов. Мягкость характера мешала ей сжигать на кострах нынешних еретиков, усомнившихся в мудрости современной науки, которая отрицает все, чего не может быть.

Вера в мужа и его опыты была так глубока, что Вера Сергеевна пошла еще дальше: не замечала движения души, наличие которой наука отрицает. Она гнала предчувствия, которые изредка нашептывали ей кое-что. Если предчувствие тихонько стучалось в сердце, Вера Сергеевна нарочно поступала наоборот. Когда же случалось так, как было предсказано, она упрямо отрицала связь, объясняя случайностью и прочими разумными причинами.

Нынешним утром предчувствия вели себя дерзко. Прежде, замечая что-то такое, Вера Сергеевна сметала смуту вон. Сегодня дурные предчувствия были сильны как никогда. Еще вчера проводив мужа, она осталась в квартире одна. Ночью спала мирно, ничего не боялась. Почему же утром предчувствия накинулись на незащищенную женщину? Она отмахивалась, отбивалась, сопротивлялась, старалась не замечать. Ничего не вышло. Вера Сергеевна ощутила дыхание беды, чего-то столь нехорошего и даже страшного, что отдавалось морозцем по коже.

Хотя с чего вдруг? Откуда взяться беде?

Последнее время дела мужа поправились: у него появились пациенты. Неделю назад они переехали в пристойную квартиру: доходный дом на Казанской улице вместо убогой квартирки в Коломне². После многих лет мучительной бедности, когда приходилось отказывать себе во всем, появились деньги. Долги еще имелись, но самые неприличные, прачке и мяснику, Вера Сергеевна уже вернула. Сияние достатка виднелось невдалеке.

² Бедный район Петербурга.

Отношения с мужем за прожитые годы окрепли. Они стали как две половинки магнита. Хоть детей у них не было, Вера Сергеевна считала, что важнее материнского счастья научные достижения мужа. Ради них она готова была пожертвовать всем. И жертвовала: ходила в старом полушубке, поношенных ботиночках, имела два платья, да и то штопаные. Семейные украшения ее матери и обручальное колечко давно были заложены. Пустяки по сравнению с великой целью, к которой стремится муж.

И вот получены реальные доказательства, что открытие, ради которого положено столько трудов, будет оценено по достоинству: муж сообщил, какой чести был удостоен. О чем же тревожиться? Совершенно не о чем. Эти доводы рассудка Вера Сергеевна упрямо повторяла. Предчувствия слушали и покалывали сердце тревогой.

Побродив по квартире, Вера Сергеевна поняла, что больше не может мучиться. Надо занять себя делом, и пустые страхи слетят, как пыль. Дел перед Рождеством у хозяйки множество. Кухарки еще нет, все приходится самой. Ничего, скоро в доме появится прислуга.

Вера Сергеевна прикинула самые насущные хлопоты: во-первых, елка. Затем надо запастись рождественским гусем, которого она умеет запекать с хрустящей корочкой. Столько лет не могли позволить себе гуся на Рождество. Муж обожает. Еще для праздничного стола всего закупить. Еще подарки. Мужу и знакомым. В этом году надо отдать рождественские визиты. Сколько лет было стыдом делать визиты в старом платье, да и подарки купить не на что. Нужно новое праздничное платье, о котором мечтала. Пусть не сшитое у модистки, готовое, но уже радость.

Нет, платье подождет. Гусь важнее. Вера Сергеевна представила: сейчас идти в мясную лавку, торговаться с мясником, нести тушу до дома, укладывать в ледник. Ох... Она согласилась, что гусь подождет. Чем ближе праздник, тем приказчики уступчивее. Завтра купит. Сегодня есть дело важнее.

Она открыла шкапулку, в которой появилось несколько купюр. Вера Сергеевна редко видела десятки, обычно мелочь и рублевки. Как богачка, не считая, взяла ассигнацию, сунула в шелковую сумочку, верную подругу многих лет и отправилась в прихожую. Занявшись важными хлопотами, Вера Сергеевна проверила: предчувствия притихли, но не исчезли.

На улице жег мороз. Полушубок не грел. Вера Сергеевна привыкла. Согревали радостные мысли. На другой стороне улицы извозчик привез даму в лисьей шубе, увешанную ворохом кулчков, коробочек и свертков. Идти до места, куда собралась Вера Сергеевна, было минут пятнадцать неторопливым шагом. В такой холод трудно решиться на прогулку.

Вера Сергеевна перебежала улицу, залезла в пролетку и накрылась облезлой войлочной накидкой. Она приказала на Сенатскую площадь. Извозчик запросил двугривенный³. Цена безбожная, но торговаться не стала, чтобы не портить праздничное настроение.

В нынешние рождественские праздники городская дума осчастливила Петербург мудрым решением: елочный базар с ларьками, торгующими подарками, перенесли от Гостиного двора, где издавна располагалась ярмарка, к Сенатской площади: от памятника Петру Великому до Александровского сада. Заботу горожане не оценили. Придя за елками и подарками и не найдя рождественские ряды, они ругались и разбрелись по ближайшим магазинам. В Гостином дворе и Пассаже царила праздничная сутолока, а на Сенатской было пусто. Мороз и привычка покупать там, где заведено, оказались сильнее.

– Извольте, мадам, приехали...

Сунув извозчику две монетки, Вера Сергеевна с приятным томлением оглядела праздничный торг. Давно не могла позволить себе маленькую радость: выбирать подарки. Глупость, а как приятно. Чего тут только нет: бакалейный и басонный товар, игрушки и картины, искус-

³ 20 копеек.

ственные цветы и книги, медная и фарфоровая посуда, часы и трости, зеркала и пропасть всего, от чего глаза разбегаются.

Меж тем среди изобилия покупателей почти не было. Торговцы скучали «без почина», топтались, хлопали по плечам, бокам и спинам, чтобы согреться. Вера Сергеевна решила осмотреться, не задерживаясь, чем печалила торговцев.

Обойдя ряд ларьков, она оказалась у елок. Елки были хороши, так и просились в дом. Вера Сергеевна представила: грузить елку в пролетку, потом просить извозчика донести до квартиры, платить сверху... Нет, лучше купить ближе к дому: мясники ставят елки у лавок, продают задешево постоянным покупателям. Тут же к услугам нищие, которые за гривенник готовы донести покупку куда прикажут. На праздник дело налаженное.

Вера Сергеевна окончательно отказалась покупать елку. Чем глубоко ранила торговца Спиридонова, который изготовился всунуть небогатой даме елочку попроще. И топориком заманчиво поигрывал.

Прогулка в ботиночках с дырявой подошвой даром не прошла: от холода Вера Сергеевна ног не чувствовала. Вернется завтра и купит подарки. Все же уехать с пустыми руками было жаль. В ларьке с книгами выбрала красивый том, о котором мечтал муж. Заплатила и побежала к пролеткам.

Поднявшись по лестнице, Вера Сергеевна сунула ключ в замочную скважину и нажала. Ключ не поворачивался. Она машинально крутанула в другую сторону. Замок послушно защелкнулся. Вера Сергеевна обладала ясным умом, чтобы сообразить: замок был открыт. Как же так? Она всегда тщательно запирает. Перед уходом проверила, дверную ручку дернула. Точно помнит. Неужели воры? Так ведь у них красть нечего...

Распахнув дверь, она заглянула в прихожую. В проеме напротив виднелась гостиная. Вера Сергеевна прислушалась – тишина. Если чужой был, явно затаился. Она подумала: не позвать ли дворника? Подумала и отказалась. Стыдно образованной даме показывать страх перед простым мужиком.

Вера Сергеевна вошла и громко спросила:

– Кто здесь?

Ответило тиканье настенных часов. Зайдя в гостиную, она не заметила следов воровства, обошла спальню и кабинет мужа. Заглянула в шкапулку: деньги на месте. Вроде бы в доме чужого не было...

Все же по еле заметным намекам Вера Сергеевна определила: кто-то тут шарил. Незваный гость был аккуратен, следов не оставил, но глаз хозяйки отметил мелкие изменения в порядке вещей. Вор ничего не взял. Что же ему понадобилось?

Она считала себя не только умной, но и смелой женщиной. Остаться в квартире было страшно. Предчувствия взялись с новой силой. Этого Вера Сергеевна не могла допустить. Не сняв полушубка, положила на стол подарок, упакованный в оберточную бумагу, перетянутую накрест бечевкой, рядом шелковую сумочку. Оглянувшись, она наметила, откуда осматривает квартиру. Если страх одолеет, побежит за дворником.

Звякнул дверной колокольчик. Вера Сергеевна вздрогнула, как барышня с испорченными нервами. Вернулась в прихожую и распахнула дверь, которую забыла запереть. За порогом виднелась фигура невысокого плотного мужчины в черном пальто. Нос прятался за поднятым воротником, над которым блестели черные глаза. Он поклонился, не сняв кепи английского покроя с завязанными ушками.

– Прощенья просим-с, Николай Петрович прислали-с, – проговорил он глухим, будто простуженным голосом.

Вера Сергеевна уловила фальшь. Тот, кто стоял перед ней, пытался притвориться кем-то другим, кем не был. Изображал ласковый говорок приказчика. При этом добротное пальто шерстяной материи до щиколоток и теплые ботинки. Простой народ такое не носит, посыль-

ные – тем более. Да и возрастом господин не годился бегать на побегушках. Предчувствия завопили.

– Вот как? – ответила она, твердо зная, что мужу в голову не придет направить посыльного: со вчерашнего вечера он занят важнейшим завершающим экспериментом, кроме его помощника об этом никому не известно. – Зачем же вас прислали, любезный?

– Николай Петрович просят немедля-с привезти-с ему аппарат. Очень срочно-с требуют. Велел передать, чтобы мне выдали-с, а уж я доставлю-с в целостности и сохранности-с... Расстаюсь, как положено-с. Не извольте волноваться, мадам...

Сомнений не осталось: человек в черном пальто играл роль. Играл дурно, но нагло. Явно рассчитывал, что женщина послушается. Не на ту напал. Вера Сергеевна забыла страх и не слушала предчувствий. Надо спровадить обманщика и бежать за дворником. А лучше за городовым.

– Аппарат? – повторила она, будто впервые слышала. – Какой аппарат, любезный? Простите, не понимаю, о чем вы говорите. Это наверняка ошибка...

Она взялась за дверную ручку. Ботинок не дал захлопнуть дверь.

– Николаю Петровичу требуется аппарат. Дело особой важности. Он с визитом у влиятельной персоны, просит срочно доставить. Послал меня. Извольте выдать.

Это была откровенная ложь. Вера Сергеевна не упустила перемену в его речи.

– Вас послал Николай Петрович, – сказала она спокойно. – А вы кто такой?

Он натурально шмыгнул носом, видно, тоже промерз.

– Посыльный. Давайте аппарат, время не ждет. Николай Петрович желает немедля.

– Обычно муж направляет записку, в которой излагает свою просьбу, – Вера Сергеевна приятно улыбнулась. – Где записка?

– Записки нет, ему некогда. Несите аппарат. Если тяжелый, сам донесу, что вам таскать, – он сделал движение, будто намерился войти.

Вера Сергеевна не шелохнулась, заслоняя квартиру.

– Какой же именно аппарат вам нужен, любезный?

Человек изобразил кривую ухмылку и назвал. Вера Сергеевна поняла: кто-то узнал их тайну. Причем фальшивый посыльный все перепутал. Слова говорит, а смысла их не понимает. Его послали с преступным умыслом... А если это более хитрый обман?

– Вот что, любезный, довольно дурного спектакля... Никакого аппарата у нас нет. Это глупые выдумки... Не хочу обижать вас, но вы не понимаете, о чем говорите... Не знаю, кто вы и что вам нужно, но прошу вас уйти. Иначе закричу, выйдут соседи, прибежит дворник, и вы отправитесь в полицейский участок. Уходите, или буду звать на помощь... Уходите!

Голос Веры Сергеевны дрожал, но негодяй не заставит плясать под его дудку. Она защитит и дом, и мужа, и себя. Кричать умеет так, что стекла дрожат.

Ее резко толкнули. Вера Сергеевна отлетела в прихожую. Человек быстро вошел и захлопнул дверь.

– Да как вы посмели, – только проговорила она.

В лицо нацелилось острие ножа. Финка не входила в число предметов, с которыми Вера Сергеевна была знакома лично. Зато угрозу, исходившую от клинка, ощутила. Угроза была настоящей. Она видела лицо, которое не скрывал воротник. Лицо не предвещало ничего хорошего. Горло сжала судорога, закричать она не смогла.

Господин свободной рукой сгреб в охапку воротник платья и приподнял, как котенка. Старая материя не выдержала, треснула. Лоскут воротника остался в его кулаке. Он выпустил рвань и обхватил шею Веры Сергеевны пятерней, дернул к себе, как куклу, приставил острие финки ниже груди, под ребро. Разряд страха пронзил Веру Сергеевну и лишил воли. Силы оставили, она еле держалась на ногах.

– Слушай меня, – проговорил страшный человек, дыхнув трактирным перегаром. – Времени мало, уговаривать не стану. Показывай аппарат.

– У нас нет того, что вы просите, – пролепетала она.

Лапища дернула за шею.

– Упрямисься... Не хочешь по-хорошему... Ладно, я уйду, но на праздник получишь голову своего муженька. Отрежу чисто, не сомневайся. Запечешь вместо гуся... А тебе на память лицо порежу, уродиной останешься... Говори, где аппарат...

– Поймите, его нет и не может быть... Научные интересы моего мужа...

– Быстро, мразь!

Страх отнял и разум, и доводы. Вера Сергеевна превратилась в испуганный комочек, мышь в зубах кошки.

– Его правда нет...

– Даю минуту и режу лицо, – легкий нажим, и финка отозвалась болью в боку.

Вера Сергеевна издала неприличный жалобный звук.

– Ну! Говори, дура!

Отдать какую-нибудь ненужную вещь? Этот страшный человек не разберет, что получил. Когда обнаружит ошибку тот, кто его послал... Он вернется, и тогда... Тогда никого не пощадит...

Что же делать?

Если она выдержит пытку, если сумеет промолчать, негодяй выполнит обещание и убьет мужа. Лицо не жалко, порезы заживут. А мужа не станет. Он непременно исполнит угрозу, нельзя сомневаться. Для чего тогда жить? Не нужен ей этот мир без Николая Петровича. Она ему все отдала. Так разве пожалеет последнее, что осталось? Чтобы он довершил начатое великое дело.

– Ну! – прикрикнул страшный человек. – Неси, мразь!

– Господи, прости меня, – прошелестели губы.

Вера Сергеевна кинулась на лезвие.

Холод вошел в нее, наполнив до краев.

Она повалилась. Чужие руки поймали тряпичное тело.

– Ах ты ж, зараза... Что наделала... Зачем... Дура! – услышала затихающий крик.

И улыбнулась: ловко получилось. Справилась и, кажется, победила...

Боли почти нет. Только сердце куском льда.

Бедный Николай Петрович, останется один-одинешенек на праздник...

Кто ему гуся запечет?..

Кто с ним опыты проводить будет?..

Все равно...

Человек что-то кричал. Ей было безразлично.

Тело стало легким, воздушным. Она уплывала. С последним проблеском Вера Сергеевна подумала: «Так исказить научные термины, перепутать ясновидение с телепатией... Какая необразованность».

Мысль исчезла.

Вслед за ней исчезла Вера Сергеевна.

Унеслась снежинкой в белой вьюге.

3

Седой ежик волос господин вытер надушенным платком. Натянуто улыбнулся и оттянул тугой воротник форменного полицейского кафтана. Сильнее воротника душила неизвестность.

Аудиенция назначена на десять утра, почти одиннадцать, а его не зовут. В приемной министра посетителей нет. За что такая немилость? Он нервничал, улыбался и потел.

– Прошу простить, не изволите доложить обо мне? – как можно учтивее обратился он к господину в форменном сюртуке, который был чрезвычайно занят бумагами. Так занят, что еле виднелся за массивным столом.

– Вас пригласят, – ответил коллежский секретарь Михайловский.

Мучения визитера доставили ему особое удовольствие, недоступное простым смертным. А доступное только чиновникам. Удовольствие состояло в том, что Михайловский был чином ниже, получал всего тысячу годового жалования против пяти тысяч этого полковника, но сейчас кто перед кем заискивает и стоит навтыяжку? Вот именно...

К тому же надушенный полковник в новеньком мундире, при орденах и портупее, с усиками завитыми, будто дерзкие полумесяцы, вызывал личную неприязнь секретаря.

Полковник Цихоцкий только в январе был назначен киевским полицеймейстером, но слухи о его подвигах дошли до Петербурга. Были сведения, что Цихоцкий обложил публичные дома Киева и торговцев спиртным таким оброком, что терпение народа кончилось. По этой причине он был вызван в столицу. Министр внутренних дел лично желал разъяснить главе Киевской полиции, что, борясь с пороками, меру надо знать. Объяснить мягко, по-отечески. Как умел только добрейший и либеральнейший Иван Логгинович Горемыкин, действительный тайный советник.

Пытку полковнику подстроил вовсе не министр. Он и думать забыл, кому назначил визит на утро. В это время Горемыкин в тайной комнате для отдыха, в которую можно попасть из его кабинета, угощал утренним чаем одного из трех своих заместителей, то есть товарищей министра. Обычай пить чай тет-а-тет с подчиненными Горемыкин находил не столько милым, сколько полезным. За душевным разговором он незаметно выяснял обстоятельства, про которые ему не докладывали, а в дружеском разговоре случайно выбалтывали. Если собеседник был настолько наивен, что верил в добродушие министра.

Гость министра, Александр Ильич, был достаточно опытен и умен. Он потягивал чай из севрской чашечки и являл полную открытость своей бездонной души. Заместитель прекрасно знал, как шеф умеет казаться тем, кем желает.

В газетах у Горемыкина была репутация либерала, который переживает о положении крестьян, печется о домах трудолюбия и работных домах, борется с чумной заразой, посетившей азиатские губернии, покровительствует пожарному обществу, исправлению земледелия и строительству Сибирской железной дороги. Однако за прекрасным образом, надуваемым газетчиками, скрывался жесткий политик, который лавировал за желаниями царя и ничего не делал такого, что бы не было выгодно лично ему. Только так можно взойти на вершину Министерства внутренних дел – стального хребта империи. Взойти и удержаться.

Один вопрос занимал Александра Ильича: что именно понадобилось Горемыкину? Приглашение на чай было получено вчера вечером, явного повода не имелось. Неизвестность Александр Ильич крайне не любил. Под его присмотром находилась вся политическая полиция империи: корпус жандармов, охранные отделения двух столиц и Особый отдел департамента полиции. Борясь с революцией, он научился главному: беда может прийти откуда не ждешь. Надо быть готовым ко всему. Он был готов и старался уловить в приятных речах Горемыкина, куда клонит шеф.

Пока министр болтал о том, как рады чиновники министерства, что в этом году получили непривычно рано и щедро «на гуся», то есть премиальные выплаты перед Рождеством. Разделяя восторг министра, Александр Ильич ждал: когда наступит главное. Не чаи же гонять его вызвали.

– Кстати, дорогой мой, а что слышно про ту машину страха? – будто невзначай спросил Горемыкин, при этом вид имел отеческий, заботливый.

«Вот оно, значит, что», – отметил Александр Ильич. Скрытая причина перестала скрываться.

– Восемь недель назад докладывал вам, ваше превосходительство, – ответил он, зная, что министр любит точность и никогда ничего не забывает. – Так называемой машины страха больше нет.

Горемыкин изобразил бровью удивление.

– Что вы говорите? Неужели... Столько дел, не успеваешь за всем следить.

– Это моя вина, что не обратил вашего внимания. Позвольте изложить обстоятельства?

– Ну, если только в общих чертах, – согласился Горемыкин, отмечая ловкое обхождение своего заместителя. Не зря с революцией борется.

Александр Ильич напомнил, что машина страха, иначе – *machina terroris*, была изобретена господином Иртемьевым, известным петербургским спиритом и, по счастливой случайности, зятем Александра Ильича. Машина эта якобы позволяла управлять поведением человека, превращая в автомат исполнения чужой воли. Насколько возможности машины страха были реальны, установить не удалось. Изобретатель, господин Иртемьев, погиб, как погибли многие, кто пытался ее заполнить.

– В результате стечения обстоятельств единственный экземпляр был уничтожен при падении с большой высоты, – закончил Александр Ильич, стараясь уловить направление мыслей министра.

Горемыкин невозмутимо кивнул.

– Какая жалость, – сказал он, пригубив чай. – Говорите, вдребезги?

Александр Ильич подтвердил: в мелкие кусочки. Собрать невозможно, записей или чертежей в архиве Иртемьева обнаружить не удалось.

– Полковник Пирамидов приложил изрядные усилия, но спасти не представлялось возможным. Злоумышленник, который пытался заполнить аппарат, также погиб.

Министр отметил, как ловко его заместитель подчеркнул роль своего подопечного – начальника Петербургского охранного отделения. А про себя скромно умолчал.

– Кажется, у вас с супругой было приключение из-за этого аппарата, – напомнил Горемыкин.

– Сущие пустяки, не о чем беспокоиться, – ответил Александр Ильич, стараясь не вспоминать, как чудо спасло его и жену от неминуемой смерти. И не только их. Воспоминания были неприятно свежи.

Горемыкин поболтал ложечкой в чашке.

– Как бы машинка эта пригодилась именно сейчас...

Александр Ильич проследил, куда устремился задумчивый взгляд шефа: министр смотрел на портреты царствующей четы. Даже в комнате отдыха приказал повесить, чем выразил безграничную любовь к государю. Мелочь, а «там» наверняка отметят: Горемыкин предан искренно.

Незаметная деталь подтвердила слухи: при дворе интересуются всем, что выходит за границы науки, – спиритизмом, магией и прочими сверхъестественными силами. Причина слишком важна: у трона не было наследника, и возможно, не будет совсем. Медицина признала бессилие, настал черед испробовать иное.

Выйдя из облачка задумчивости, министр улыбнулся.

– Ну ничего, друг мой, не будем унывать и сидеть сложа руки. Вот князь Алексей Дмитриевич обещает нечто занимательное.

Ответив улыбкой, Александр Ильич насторожился: князь Оболенский был другим заместителем министра. Несмотря на дружеские отношения, между ними нарастала скрытая конкуренция. Которая усилилась после того, как восемь недель назад князь Оболенский оказался на волоске от гибели. Известно по чьей вине. Наверняка затаил обиду. И надумал отплатить:

нашел «нечто занимательное». Если его находка окажется полезной, это сильно упрочит положение князя и пошатнет «конкурента».

– Только чур не спрашивать: это секрет.

– В мыслях не было, – ответил Александр Ильич честно, как всегда.

– Не занимайте вечер 27 декабря. Вы приглашены. С супругой. Князь у себя устраивает, обещает любопытное зрелище.

– Благодарю, ваше превосходительство, буду непременно.

В запасе у Александра Ильича имелся козырь, даже не козырь, а так – козырек. Пришел момент использовать его. Чтобы князь Оболенский не казался таким незаменимым.

– А мы, ваше превосходительство, раздобыли прелюбопытный факт.

Горемыкин выразил интерес. Александр Ильич рассказал, что несколько дней назад ему представили некоего доктора по фамилии Котт, который утверждал, что совершил поразительное открытие в области, которую отрицает наука. Якобы ему удалось изобрести аппарат, который телепатически угадывает мысли. Действие он готов продемонстрировать. Открытие казалось любопытным, а доктор не выглядел сумасшедшим. Во всяком случае, подобных сведений о нем не нашлось.

– Довольно интересно, – министр прикинул, какие выгоды может получить, если изобретение не окажется выдумкой больного воображения. – Впрочем, вызывает некоторые сомнения. Вам не кажется?

Александр Ильич знал: Горемыкин не хочет рисковать, представив при дворе неизвестно что. Вдруг обман или фокус.

– Полностью согласен, ваше превосходительство, – ответил он. – Сомнения значительны. В связи с чем прошу вашего разрешения проверить названный аппарат. Основательно и неоднократно. После чего доложить результаты.

Предложение было признано разумным.

– В случае успеха аппарат можно будет применять в нашей службе, – закончил Александр Ильич. – Да и полицейским князя Оболенского пригодится.

– Гляжу, у вас все продумано, друг мой, – Горемыкин отметил про себя расторопность заместителя и как ловко тот щелкнул князя. – Как проверять будете?

– Направим доктора в сыск, пусть там ставит опыты. Сможет продемонстрировать аппарат в деле.

Горемыкин поджал губы.

– В сыск? Почему же в сыск?

Брезгливое отношение министра к сыскной полиции не было известно газетчикам и широкой публике. Зато Александр Ильич на него рассчитывал.

– Я бы предпочел отдать доктора полковнику Пирамидову. Но считаю неправильным допускать малоизвестную личность к охранному отделению, – ответил он. – Получим результат на воришках, там видно будет.

– Что ж... Это разумно, дорогой мой. Кому намерены поручить?

Ответ Александр Ильич держал наготове.

– Чиновнику Ванзарову.

– Ванзаров... Ванзаров, – будто стараясь вспомнить, проговорил Горемыкин. – Что-то знакомое. Кажется, он имел отношение к поискам машины страха?

– Самое косвенное. Ванзаров как раз подходит для такой цели: не слишком умен, не слишком расторопен, талантами не отличается, зато упрям до неприличия. Не возражаете, ваше превосходительство?

Министр одобрил кандидатуру заурядного чиновника сыска для испытаний неизвестно чего.

Приятное чаепитие продлилось еще с четверть часа в обсуждении планов на праздники, после чего Горемыкин отпустил своего заместителя. Все, что хотел, он узнал: между его ближайшими подчиненными нарастающая вражда. Очень хорошо.

Выйдя в приемную и кивнув секретарю Михайловскому, Александр Ильич заметил полицейского полковника, румяного, как спелое яблочко. Кажется, киевский полицеймейстер. Значит, по ведомству князя Оболенского. Недурно, если бы князь эдак побагровел от злости.

Не поклонившись полковнику, стоящему смиренно, Александр Ильич вышел из приемной. Идя по коридору, устланному ковровой дорожкой, отвечая кланявшимся чиновникам, он думал: «Вот ведь прохвост... Что же разыскал князь Оболенский? Что за счастье раздобыл? Ну, поглядим, поглядим».

4

В приметы извозчик Пяткин верил крепко. Особо – в счастливые. Скажем, стоишь на Невском проспекте, кажется, народу – тьма, толпами бегут туда-сюда, только загребай серебро. Так ведь нарочно никто не наймет. А бывает, остановишься на пустой улице, и сразу пассажир залезает, пожалуйста. Отвезешь куда надобно, сразу возвращайся обратно, на то же место. Только бороду от инея стряхнешь – а уже новый ездки тут как тут. И так целый день, успевай вертеться. Жаль, примета шалит – бывает, обманывает. Чаще всего.

Все же Пяткин понадеялся сегодня на удачу. Только привез барыню с покупками на Казанскую улицу, тут же другая села. Отвез ее на Сенатскую, оставаться не стал, и без него пролеток толпа. Вернулся на Казанскую и угадал: господин приказал на Крестовский остров, заплатил не торгуясь. Последнее обстоятельство особенно грело обиженную душу извозчика.

Обидела Пяткина городская дума: додумалась перед праздниками ввести тариф на поездки. Теперь пассажир мог требовать оплату строго по тарифу, без запроса. И это когда? В самое хлебное время, перед Рождеством и Новым годом. Когда все мечутся по столице с визитами. Извозчики на два месяца вперед себе и лошаденке на пропитание зарабатывают. И тут такая напасть: не смей брать свыше положенного. А если господа не возражают? Им без разницы, а для Пяткина каждый гривенник на счету. Опять душат простой народ, как хотят.

Хорошо «лихачу», у которого лакированные сани запряжены тройкой с бубенцами. И медвежьи покрывала у него, и подушки шелковые, и лошади сытые, и полушубок новенький, расшитый. Лихачам тариф не страшен: с ними не торгуются, отваливают, сколько запросят. Так ведь это не езда, а пыль в глаза пустить, себя показать и размахом удивить. Пяткину такое счастье недоступно. Он простой «ванька», спасибо, что лошадка бегаёт. С него будут драть по тарифу. Что за жизнь извозчицья...

В тяжких думах он свернул на Казанскую и натянул вожжи, когда лошадка дотащила пролетку до счастливого места. Короткий зимний день таял в сумерках. Желаящих взять пролетку не видать. Не потому, что их скрывала напозающая темнота. Улица была пуста. Даже городского нет. Знать, удача опять обманула. Пяткин прикинул: раз такое дело, не подьехать ли к гостинице «Виктория», невдалеке, на углу Казанской и Демидова переулка.

Все же он предоставил удаче шанс оправдаться: обождет малость. Может, капризная девица одумается.

Минуты тянулись киселем. Терпение истощилось. Пяткин натянул на уши овечий малахай и взялся за вожжи, чтобы тронуть лошаденку.

– Извозчик!

Крик был приятен, как поцелуй. Пяткин обернулся. Позади у дома виднелась парочка. Господин в теплом пальто до пят поддерживал даму за талию. Наметанным глазом Пяткин определил: дамочка подгуляла. Полушубок нараспашку, платок кое-как повязан, да и сама при-

жалась к плечу господина. Он хоть ниже ростом, да держит крепко. Чтобы, значит, не свалилась на улице.

Пяткин прыгнул с козел и пригласил жестом: дескать, карета подана, извольте. Парочке надо было пройти дюжину шагов, что потребовало усилий: господин буквально нес даму в вертикальном положении, ботиночки ее волочились по снегу. Господин был так силен, что дотащил ее до пролетки, поднял наверх, усадил на диванчик и бережно укрыл войлочной накидкой до шеи. Голова дамы покосилась к плечу.

Господин прыгнул и поправил модное кепи. Пяткин еще подумал, что по морозу в таком уборе может гулять только человек медвежьего здоровья. Господин таким и казался: размялся, дышал легко.

– Дама не рассчитала силенок, – сообщил он. – Простим. Веселье и праздник!

– Оно, конечно, бывает, – ответил Пяткин, повывавший всяких дам. Иной раз пролетку приходилось отмывать.

– На Обводный⁴ отвезешь?

Тут Пяткин сообразил, что господин оставляет даму на него. Дескать, донес – дальше не его печаль. С чем извозчик был решительно не согласен.

– Да как же возможно? Нет уж, прощения просим...

Господин хлопнул по плечу.

– Не бойсь, друг дорогой, пока доедешь, она очухается. На морозе в себя придет. Я ее знаю...

– Так ведь это как же, – начал Пяткин и прикусил язык. Ему совали пятирублевку.

– Хватит за хлопоты?

Извозчик хмыкнул, сделав вид, что еще думает, соглашаться ли. Хотя в душе благодарил удачу. За трешку согласился бы. Вот это – настоящая цена, не то что тариф проклятуший.

Всем видом показав, какое одолжение делает, Пяткин спрятал ассигнацию за пазуху.

– Дом какой изволите?

– Привезешь на угол Лиговской улицы и Обводного, она очухается, укажет, – сказал господин и поднял воротник, будто озяб. – Вези не спеша, пусть на холодке протрезвеет.

– Как прикажете, – буркнул Пяткин, жалея уже, что мало взял: надо было хоть целковый⁵ сверху запросить. Господин вида неказистого, а при деньгах.

Он залез на козлы, тронул поводья и крикнул: «Но, пошла!»

Лошаденка дрогнула промерзшими боками и потащила пролетку. Пяткин обернулся. Господин в кепи исчез, будто растворился. Извозчик покосился на пассажирку. Дама спала крепко, лежала, как уложили. Лицо ее скрывал платок. В темноте разобрать трудно, но показалось ему, что даму уже видел. Не сегодня ли подвозил?

Думать об этом Пяткину было лень. Красная бумажка радовала карман. Он прикинул: отвезет и вернется на счастливое место. Точно счастливое. С таким заработком тариф проклятый не страшен.

5

Николай Петрович ощутил себя богачом. Чувство было незнакомым, но приятным. Оно грело лучше поношенного пальто и единственного костюма, который надевался в любой сезон. Пятьсот рублей были в кармане. Огромная сумма. Николаю Петровичу привычно захотелось рассказать жене. Правду, конечно, знать нельзя, это секрет, пусть будет красивая выдумка. Начнет с того, что за первый визит получил двадцать пять рублей. Редкому петер-

⁴ Обводный канал – отдаленный заводской район столицы с домами, где жили фабричные рабочие.

⁵ Рубль.

бургскому доктору столько заплатят. А ему вручили, как будто знаменитость и светило. Он чуть не отказался: случай совершенно пустяковый, типичная истерия барышни, сжигаемой огнем молодости. Выписал пациентке успокоительные капли, да и только. Родителям же деликатно объяснил причину: со свадьбой пройдет. Ну и прочее в таком же духе.

Посреди мечтаний Николай Петрович обнаружил себя на углу Апраксина двора⁶, выходящего на Садовую улицу Александровской линией с лучшими магазинами. Стоило повернуть голову, как витрина магазина золотых и серебряных изделий Замошникова ослепила блеском. Он подумал, что нужно сделать подарок. Прямо сейчас. В качестве извинения за то, что обязан был поступить так, а не иначе. Это правильно.

Из магазина Николай Петрович вышел с бархатной коробочкой, в которой устроилось колечко с камушком. Приказчик уверял, что золотое колечко 56-й пробы⁷ изящного модного фасона «фантазия» с изогнутой змейкой – отличное, хризолиты чистой воды, а цена исключительная, только ради праздника. Обошлось колечко в шестнадцать рублей. Николай Петрович был доволен, позволил себе роскошный подарок. Он прошел мимо витрины соседнего магазина Белова, где такое же колечко стоило вполтину дешевле.

Миновав стальные павильоны Сенного рынка и перейдя Екатерининский канал по Демидову мосту, Николай Петрович оказался у гостиницы «Виктория». Его одолел новый соблазн: отужинать в ресторане гостиницы. Он не помнил, когда последний раз бывал в настоящем заведении. Николай Петрович почти поддался искушению. Но сила воли победила: нельзя швыряться деньгами.

Он заставил себя пройти мимо. И тут его окликнули по имени-отчеству. Николай Петрович оглянулся. К нему спешил невысокий господин в добротном пальто, который на ходу приветственно махал кепи. Несмотря на морозный сумрак и тусклый свет фонаря, Николай Петрович был уверен: господин совершенно незнаком. А останавливать на улице незнакомого считалось верхом неприличия.

Подбежав, господин поклонился, как цирковой мишка.

Николай Петрович приподнял котелок.

– Что вам угодно?

– Какое счастье, что вот так случайно на улице встретил вас, – бодро ответил господин, заломив кепи на затылке. – Столько дней вас ищу повсюду, и вот удача!

Незнакомец излучал искреннюю радость. Николай Петрович невольно улыбнулся.

– Прошу простить, с кем имею честь?

– Филипп Филиппыч, – резво ответил господин.

– В чем, собственно, состоит ваше дело? – спросил Николай Петрович, ожидая узнать, кто же его рекомендовал.

– О, это долгий разговор! Да что же мы на морозе стоим, – Филипп Филиппыч обернулся. – Окажите удовольствие, позвольте пригласить в «Викторию». У них кухня приличная. Для меня высочайшая честь и удовольствие разделить с вами трапезу. Не откажите, уважаемый доктор! Снизойдите до моей просьбы! Осчастливьте! Молю вас!

Бурными жестами господин приглашал следовать за ним. Николай Петрович невольно проглотил слюну. Что плохого поужинать? Желания соблазняли. Но что-то казалось неправильным. Быть может, Филипп Филиппыч излишне выражал восторги. Слишком наигранно. Слишком напористо. Николай Петрович умел отличать ложь. Пришла странная мысль: нельзя садиться за стол с этим господином. Без всяких разумных причин: просто нельзя. А еще он вспомнил: мельком заметил этого человека в казенном заведении, где получил нынче аванс. Тот отирался вдалеке коридора, будто филер.

⁶ Каменные торговые ряды с множеством разных магазинов.

⁷ Проба 56 золотников соответствует современной 585-й пробе.

– Сожалею, совершенно не имею свободного времени. Чрезвычайно спешу. Вынужден вам отказать, – ответил Николай Петрович, приподняв край шляпы. – Всего доброго.

Филипп Филиппыч загородил путь. При этом радушно улыбался.

– Ну как же так, дорогой доктор! Обидели до глубины души.

– Возможно, как-нибудь в другой раз, – Николай Петрович попытался обойти, но ему не дали. – В чем дело? Позвольте пройти.

– Дело наиважнейшее. Для вас, уважаемый доктор... Не хотите в ресторане, я не гордый, давайте здесь обсудим.

– Не желаю ничего обсуждать, – Николай Петрович начинал злиться: какой-то тип смеет задерживать посреди улицы. Правильно, что не поддался на сладкие речи. – Прошу не мешать пройти. Или крикну городского.

Филипп Филиппыч вздохом выразил сожаление.

– Ну зачем вы так, уважаемый доктор, я ведь с самыми чистыми намерениями... Хочу предложить вам дело, которое сулит чрезвычайную выгоду. Если не сказать, богатство... Получите целое состояние. Разве не любопытно?

Николай Петрович поколебался. И проявил невольный интерес. Филипп Филиппыч пояснил, что желает заполучить, включая проведение наглядной демонстрации. После чего назвал сумму, которую готов заплатить. Невероятную. Оглушительную. Голова закружится.

– Будет выплачено вам сразу, как только проверим действие аппарата, – закончил он, подмигнув. – Ну как? Может, теперь найдется время обсудить детали в тепле и уюте под хорошую закуску?

Николай Петрович молчал. Молчание было истолковано как борьба разума с жадностью. Филипп Филиппыч предъявил пачку сторублевых ассигнаций.

– Здесь две тысячи. Извольте получить сразу, авансом. Вот вам мое слово купеческое: если аппарат не оправдает ожиданий, деньги останутся у вас. Ну как? Продолжим в «Виктории»?

Деньги были близко: взять и положить в карман. Николай Петрович не думал о деньгах. Мысли его были о другом: откуда просочились сведения? Что теперь делать?

– Ну, доктор, согласны?

– Вы ошиблись. Ничего подобного у меня нет и никогда не было. Прошу больше не беспокоить... Пошел вон! – крикнул Николай Петрович, толкнул Филиппа Филиппыча локтем и двинулся мимо.

До дома он дошел торопливым шагом, часто оглядываясь. В темноте разобрать трудно, но фигуры с кепи не заметил. Николай Петрович решил, что не должен отвлекаться от самого главного. Для этого нужны все силы. Остальное пустяки. Он крутанул рычажок дверного звонка. За дверью послышалось треньканье колокольчика.

Ожидание становилось слишком долгим.

Николай Петрович позвонил снова.

Что такое? Может, Вера Сергеевна заснула? После третьего звонка Николай Петрович ощутил, как недоброе заползает в сердце. Нельзя волноваться, надо сохранять спокойствие.

Он отпер ключом дверь и вошел. В доме было темно и тихо.

– Вера Сергеевна? – позвал и услышал эхо с отдаленным тиканьем часов.

В прихожей нет ни женских ботинок, ни полушубка, ни платка. Неужели пошла искать? Николай Петрович знал, что Вера Сергеевна боялась выходить из дома в темноте. Должна быть дома, обязана. Но ее нет. Что теперь делать?

Забыв снять пальто, Николай Петрович вошел в гостиную. На столе лежал сверток в бумажной обертке. Любопытство заставило дернуть веревочный узелок. Показался роскошный том «О началах» Оригена Александрийского. Книга, которую мечтал получить. Чудесный

подарок. Рядом лежала шелковая сумочка-мешочек. Вера Сергеевна ушла с пустыми руками. Убежала... Плохо, плохо... Совсем плохо...

Потянуло сквозняком. Николай Петрович выложил коробочку на стол и зашел на кухню. Дуло от двери, ведущей на черную лестницу. Створка приоткрыта, щеколда, запиравшая дверь, отведена в сторону. Получается, Вера Сергеевна ушла по черной лестнице? Николай Петрович терлся в мыслях: как поступить?

Что делать? Ждать? Или искать по ближайшим лавкам? Или опоздал...

Сомнения прервал дверной колокольчик. Наверное, она вернулась. Николай Петрович сдвинул подступавшую злость и пошел открывать.

– Это сюрприз! – сказал он, что пришло на ум, распахнув дверь.

На лестничной площадке клубился сумрак, а в нем виднелась женская фигурка. В первую секунду Николай Петрович подумал, что Вера Сергеевна купила зимнюю жакетку и беличью шапочку с перышком.

– Что вам угодно? – спросил он, не зная, как вести себя.

Пальчики, затянутые в лайковую перчатку, протянули сложенный листок.

– Вам просили передать, – сказал приятный молодой голос, похожий на шепот.

Николай Петрович машинально принял.

– Что это? От кого? – растерянно спросил он.

– Вера Сергеевна просила передать вам, – дама присела, изобразив книксен, и быстро спустилась по лестнице. Так быстро, что Николай Петрович, окончательно сбитый с толку, остался в дверях с листком. Наконец он мотнул головой, будто смахивая наваждение, развернул письмо. В неровном свете прихожей прочел:

«Ваша жена находится у нас. Если не хотите получить ее отрезанную голову, отдадите ваш аппарат. На раздумья сутки. Аппарат принести утром в Никольский рынок, оставить старьевщику Семину. Тогда вашу жену отпустим. Если обратитесь в полицию, ваша жена умрет». Подписи не имелось. Почерк был специально корявым.

...Спустившись до начала лестницы, дама остановилась и прислушалась. Было тихо, только шорохи дома да свист ветра. Как вдруг сверху долетел вой, будто кричал раненый зверь. Она улыбнулась, поправила вуалетку, сбившуюся от бега, и проскользнула в дверной проем. Во дворе было пусто. Метель наметала сугробы. Она ступила ботиночками в снег и провалилась по щиколотку. Не смущаясь, высоко задрала юбку и размашистыми прыжками пробралась до ворот. И скрылась стремительной ночной тенью.

6

Лошаденка тащила еле-еле. Пяткин честно не спешил. До Обводного доплелся, насколько хватило терпения. Выехав на угол Лиговской улицы и набережной канала, которая представляла собой земляной откос, укрытый снежным покровом, он натянул поводья. Пролетка встала. Место глухое: справа пути Николаевской железной дороги и заснеженные сады, слева ободранные домишки. Тьма и тьма кругом.

Пассажирка безобразий не устроила. Что извозчика порадовало.

– Мадам, Обводный, как приказывали, куда дальше-то? – спросил он, оборотившись на козлах.

Женщина не ответила.

– Будьте любезны, приехали! – громко сказал Пяткин.

Пассажирка лежала, укрытая накидкой. Как уложили.

– Вот пропасть, – пробурчал он и стал слезать.

Пролетка качнулась на рессорах. С ней шевельнулась спящая.

Пяткин встал на подножку, легонько толкнул в плечо.

– Вставай, милая, хорош дрыхнуть, – без обхождения сказал он.

Дама осталась безразлична. Даже головы не подняла. Пяткин малость озлился: напьются до бесчувствия, а потом возись с ними. Дружок обещал, что проспится на морозе, и вот, пожалуйста, лежит поленом.

Скинув покрывало, он схватил женщину за локоть и хорошенько дернул. Голова ее мотнулась и повисла.

– Ох, ты ж!.. – и Пяткин добавил крепкое словцо.

Сильно не понравилось ему: сон больно глубокий, так не спят с тяжкого похмелья. Особенно на морозе. Он выпустил локоть. Женщина повалилась кулем, шея изогнулась.

– Ой, матушки...

Оглянувшись, Пяткин вскочил на верх пролетки и сдернул платок с лица пассажирки. В темноту смотрели холодные глаза, челюсть свисла, открывая рот, который не источал парок дыхания. Лоб и щеки покрыл иней, как на камне.

Пяткин коснулся ее щеки и отдернул руку.

Вот это подарок. Что теперь, бежать за городовым? Ну, явится служивый, первым делом начнет допрос: кто такая, зачем посадил пьяную да как вез, что женщина умерла по дороге, почему не помог, не уследил. В общем, сделают Пяткина кругом виноватым. Обвинят и отправят кормить тюремную вошь года на два. Когда выйдет, считай, жизнь пропала, лошадь с пролеткой товарищи приберут к рукам. Ладно, лошадь, из столицы вышлют. И пойдет Пяткин, неприкаянный, нищенствовать по Руси великой...

Нет уж, не бывать такому. Бедняжке не помочь, свою шкуру спасти надо.

Стоя на возвышении, Пяткин осмотрел окрестности. На Обводном было пусто. Час поздний. Фабричные по трактирам сидят, прохожих не видать, лавки закрыты. Да и городовых не заметно, тут окраина, пристав службу не проверяет. Тоже, небось, в трактире греется за бесплатным угощением.

Спрыгнув, Пяткин взялся за ботиночки пассажирки и резко дернул. Съехав с диванчика, она приложилась затылком об пол, затем о подножку и свалилась к колесам. Полдела сделано. Присев, Пяткин наглухо замотал ей лицо платком, как саваном, откатил тело ближе к откосу канала, раскачал и сильно толкнул.

Покатившись по мягкому снегу, дама исчезла в сугробе. Как не бывало. Остался лишь примятый след. Внимания никто не обратит, никому дела нет. До весны не найдут. А когда из-под снега покажется, пусть полиция поищет, кто такая да как тут оказалась. Пяткин снял шапку и трижды перекрестился.

– Прости, Господи... Прости и ты, душа невинная, как там тебя величали...

Поминки были окончены. Он забрался на козлы, крикнул: «Пошла!» – и ожег кнутом. Лошаденка вздрогнула и побежала. Пяткин хлестал, чтобы убраться поскорее. Вскоре пролетка исчезла во мраке.

Фонарей на Обводном отродясь не бывало.

7

Александровская линия блистала витринами. Несмотря на поздний час, лучшие магазины Апраксина двора были открыты. В последние дни перед праздником торговали до последнего покупателя, хоть бы ему вздумалось заглянуть за полночь. Да еще товар подвозили поздно, чтобы не смущать важных господ тюками и свертками. Приказчики падали от усталости и ночевали за прилавком: утром открывались засветло.

Но если прохожего случайно занесло позади парадных витрин, туда, где начинался Апраксин рынок, ему открывался иной мир: тишь, темень и замки на дверях. Купцы, торговавшие на пространстве рынка до самой Фонтанки, давно заперли лавки, магазины да склады

и гоняли чай за домашним самоваром или угощались в ближайших трактирах и чайных. За покупателем гоняться они не привыкли, покупатель сам шел на поклон. Потому как занимались тут торговлей основательной, товаром нужным, а не баловством для развлечения души. Притом цены самые умеренные.

Каменные здания торговых корпусов, поставленные в беспорядке лабиринта, тонули в темноте. Газовые фонари не горели. Сторожа, обязанные обходить территорию рынка каждый час в течение ночи, грелись в сторожках с дворниками. В дальнем закутке городской, промерзший на посту, угощался у хозяина хлебным винцом. В знак почтения к полицейской власти. Да и то сказать: кому на ум придет шалить в такой час и холод? Добрый человек из дома носа не высунет. А недоброму – лень.

Витрина лавки, что занимала помещение в корпусе Козлова, была закрыта ставнями с навесным замком. Однако в щели мерцал еле заметный свет. Отблески падали от подсвечника, поставленного на прилавок. Мимо него прохаживался хозяин, сверкая голыми икрами. Купец был облачен в шелковый халат на голое тело, на ногах – турецкие тапки с загнутыми носами. Подобный вид годится для романтического свидания. Но если посторонний пронюхает, какие шалости позволяет себе уважаемый купец Морозов, его репутации придет конец.

В помещении было так холодно, что при вздохе изо рта вылетало облачко. Морозов не замечал холода. Шагая из угла в угол, он поглядывал на часы, попадавшие куда ни глянь, и выражал недовольство кряхтением. Циферблаты показывали разное время, но было ясно: гость бессовестно опаздывает. А ведь стоворились наверняка. Такое неуважение. Сколько прикажете ждать? Может вовсе не явиться.

Раздумья прервал резкий стук. Морозов ругнулся и прошлепал к двери. Повернул ключ, ждавший в замочной скважине, и распахнул дверь. Ворвался ледяной ветер. На пороге стоял незнакомец.

– Чего надо? – буркнул Морозов, определив по тертой шинели нищего или попрошайку. – Работники не требуются...

Он взялся захлопнуть створку, но в нее уперся носок драного сапога.

– А ну не балуй! Сейчас городского кликну... Проваливай...

– Не гони, от него я... Посланец...

– От кого это еще?

Было произнесено имя.

Голос скрипящий, как ломаная ветка. Морозов почему-то поверил. Вгляделся в незваного гостя: шинель старого покроя до пят, воротник поднят, лицо замотано вязаным шарфом, на голове черная фуражка. Глаза за зелеными очками в стальной оправе.

– Кто такой?

Гость назвался. Морозов никогда не слышал этого имени.

– Зачем пришел? – спросил он, желая закрыть дверь. Холод лютовал не на шутку.

Ему ответили, как должно. Знать об этом мог только тот, кого ждал Морозов. Значит, в самом деле посланец. Он отступил, пропуская гостя. Человек прошел, тяжело ковыляя и припадая на левую ногу. Шинель волочилась по полу.

Хлопнув дверью, Морозов повернул ключ. Здоровье у него крепкое, но тело показалось куском льда.

– Почему сам не пришел?

– Не мог. Меня прислал, – ответил он, не обернувшись.

– Ну, раз так... – Морозов чихнул и вытер нос рукавом халата, – что прикажешь?

Последовали указания точные и простые, каких купец ожидал. Он выполнил все, что от него потребовали, послушно и не перечая. Ради такого дела не жалко. Лишь бы толк вышел. А тогда... Морозов загадывать боялся, что сможет получить. Если удачно сложится.

– Изволь, готово, – сказал он, садясь на старинный резной стул с подлокотниками.

Посланник протянул длинный шелковый шнур под днищем стула. На конце шнура имелась петля со скользящим узлом.

– Надень.

Морозов поежился.

– Это зачем?

– Он велел.

– Смотри не ошибись, друг милый, – Морозов накиннул на шею петлю.

Огоньки свечей дрогнули.

23 декабря 1898 года, среда

Совершенно новое применение фонографа.

Во избежание необходимости просить кого-то из гостей принять на себя труд дирижировать танцами, хозяева просят одного из опытных дирижеров проговорить всю команду кадрили, мазурки и других танцев в фонограф. При начале танцев фонограф ставится на возвышенное место, откуда его было бы всем слышно, заводится механическое пианино, и танцы начинаются.

«Петербургский листок», 23 декабря 1898 года

8

Комнаты сияли праздничным освещением. Чиновник Министерства иностранных дел не считался с расходами. Господин Ванзаров делал карьеру, имел чин коллежского советника и намерение подниматься по служебной лестнице так высоко, как позволят. Для чего снимал большую квартиру на Таврической улице, самой престижной в столице. Кроме несомненных талантов, которые за ним признавали даже завистники, Борис Георгиевич удачно женился. Любовь соединила его с младшей дочерью тайного советника Мертенса, который распорядился назначениями в министерстве. Совпадение, конечно же, что бы ни болтали злые языки.

В канун Рождества Борис Георгиевич устроил утренник для детей чиновников, служащих под его началом. Нельзя сказать, что это была отчаянная дерзость. Однако прежде чем разослать приглашения, он посоветовался с тестем: как на это посмотрят. Тесть пояснил, что нынче либеральные порядки. Пусть дети порадуются.

Больше детей обрадовался Борис Георгиевич: событие должно значительно повысить его авторитет. Посему праздник устроил с размахом. Он попросил супругу, Елизавету Федоровну, не скупиться. Для детей были приглашены: фокусник, оперная певица, исполнитель оригинальных куплетов, чечеточник, пара, танцующая испанские танцы, и пианист-аккомпаниатор. Для взрослых накрыли щедрый стол с закусками. Всех ожидали подарки. Подчиненные выражали шефу восторги, смакуя отменную севрюгу, пока чада водили хоровод с хозяйкой дома.

Праздник удался. Кроме одной мелочи. Борис Георгиевич то и дело вынимал из кармашка жилетки золотые часы. На праздник был зван бездетный гость. У него даже жены не имелось. Что сильно не нравилось Елизавете Федоровне. Так сильно, что она взялась исправить положение и пригласила дочь крупного коммерсанта. Занимаясь детьми, Елизавета Федоровна приглядывала за девицей, которая забыла, что она – барышня на выданье, и прыгала упитанной козочкой.

Борис Георгиевич разделял намерение супруги, кто бы ему позволил перечить, но про себя сомневался, что гость явится. Слишком хорошо изучил его за двадцать восемь лет. Как настоящий дипломат, он заранее подбирал оправдания, предвидя, что случится то, что случиться должно.

И тут сквозь крики детей и перезвон бокалов Борис Георгиевич узнал звонок дверного колокольчика. Он чуть не бросился в прихожую. Что непозволительно в присутствии подчиненных. Спрятав часы, Борис Георгиевич пригладил идеально уложенный фамильный вихор.

Он собирался встретить долгожданного гостя по-английски, дружеской улыбкой и фразой: «А, вот и ты, Родион». Может быть, милая шутка, может, хлопок по плечу. Затем представит брата чиновникам, умолчав, где он служит. Немного светского общения, прежде чем бросить на растерзание жене. И вздохнуть с облегчением.

Вздых облегчения застрял в горле. То, что Борис Георгиевич увидел, было значительно хуже, чем если б гость не явился. Не сказать, что младший брат выглядел ужасно. Нет, совсем нет. Он выглядел чудовищно. По мнению любого приличного человека. Вместо шевелюры соломенного цвета и непокорного вихра торчал кривой ежик, будто слепой парикмахер кромсал ножницами в темноте. На висках, на лбу и даже на темечке виднелись зажившие шрамы. Младший братец походил на каторжника, сбжавшего из Сибири. Успел сменить арестантскую робу на цивильный костюм и галстук-регат⁸.

– Что случилось? – спросил Борис Георгиевич, забыв про шутки. Он смотрел и не узнавал родного брата.

– Извини, Борис, мне не следовало приходиться, – Ванзаров развернулся к двери.

Борис Георгиевич поймал его за локоть.

– Что случилось с тобой? – повторил он с искренней тревогой, какую нельзя сыграть нарочно.

Ванзаров пожал ладонь брата, отчего тот скривился: рукопожатие было медвежьим.

– Не так давно заглянул в лечебницу.

– Лечебницу? Какую еще лечебницу? – не поверил Борис Георгиевич, зная, что брат отличался бычьим здоровьем.

– Больницу святителя Николая Чудотворца.

– Так это же... – начал дипломат и не смог договорить.

– Больница для умалишенных.

Отметив знакомую улыбочку братца, Борис Георгиевич не мог понять: это шутка? Или на самом деле Родион оказался там, куда ему следовало отправиться? Особенно после того, как младший четыре года назад запятнал честь семьи, придя служить в полицию.

– Как впечатления? – нашелся Борис Георгиевич.

– Чудесно. Заботливые доктора, хорошие лекарства, приятные развлечения.

– Это какие же?

– Надевают смирительную рубашку, привязывают ремнями к стулу и вскрывают череп.

– Что же нашли в твоей голове, когда вскрыли черепную коробку?

– Мой череп не поддавался скальпелю.

– Жаль, что докторам не удалось почистить тебе мозги как следует.

– Ты полагаешь?

– Это очевидно: глупость твоя никуда не делась. Ах, Родион...

В сожаление Борис Георгиевич вложил глубокое разочарование. Он был старше на десять лет и во столько же раз умнее брата, но любил его. По-своему. Но что теперь прикажете делать? Как показать жене это чудовище? Дочка фабриканта в слезы ударится, нажалуется папеньке. А кто будет виноват? Известно, кто у жен виноват во всем и всегда. Будь ты хоть тайный советник – вина мужа заранее доказана.

Не видя выхода, Борис Георгиевич забыл представить брата чиновникам, которые посматривали на него со смешанными чувствами изумления и робости: неужто шеф пригласил на утренник экспонат из балагана уродцев?

– Мне лучше уйти. Перепугаю твою супругу и племянников. Загляну через годик, на следующее Рождество, когда следов не останется... Искренно рад повидаться, – сказал Ванзаров, сдавив локоть брата.

Борис Георгиевич сказал себе: «Отступать поздно». Оно и к лучшему: Елизавета Федоровна убедится, что дело ей не по зубам. Уж если их матушке не удалось женить младшего, куда ей тягаться.

⁸ Галстук на резиновых лямках с застежкой с постоянным узлом.

– Не думай улизнуть, – сказал он, строго обняв брата. – Лиза с детьми хоровод водит, пойдем к ней. Она жаждет видеть тебя по важному делу.

– Сватать надумала? – спросил Ванзаров так просто, будто прочел по лицу.

За братом Борис Георгиевич не признавал проницательности, считая ее фокусом. Не может непутевый братец быть хоть в чем-то лучше его.

– Ну почему сразу сватать, – скрыв досаду, ответил он. – А если и сватать, что в этом плохого? Тебе давно пора. Без жены, сам знаешь, карьеру на службе не сделать. Начальство за этим строго присматривает. Без жены никаких шансов на чины и награды.

– Не желаю делать карьеру. И награды мне не нужны.

– Что за детские глупости! – поморщился Борис Георгиевич, про себя подумав, что больница умалишенных не исправил братца.

– Я счастлив тем, чем занимаюсь.

– Тоже мне счастье: ловить воров и убийц, – старший брат погрозил пальцем. – Извольте слушаться старшего по чину, чиновник Ванзаров.

– Борис, может...

– Ничего не желаю слушать! Займись закусками, глоток шампанского для храбрости, у нас отличное. А я пойду выручать Елизавету Федоровну из детского плена. И, пожалуйста, когда тебя представят юной особе, веди себя как... Как воспитанный человек. А не как полицейский.

Закончив наставления, Борис Георгиевич сбежал, предоставив чиновникам самим знакомиться с братом. Кто из них самый смелый? Таких не нашлось.

Из гостиной грянул детский хор под звуки домашнего пианино:

Давайте же кружиться
И петь, и танцевать,
Давайте веселиться
И елку обирать!
Как милы нам подарки
От любящей руки,
Как веселы и ярки
На елке огоньки!⁹

Господа в темных сюртуках елку обирать не спешили и подарков еще не получили. Они занимались тарелками, чтобы не встретиться взглядом с ужасным незнакомцем. Кто-то повернулся спиной, другие беседовали. Будто неприятного субъекта не было вовсе.

– От вас исходит странная сила.

Ванзаров обернулся.

Прямо и дерзко на него смотрела невысокая барышня, затянутая в платье из черных кружев. Черные волосы в крупных завитках падали волнами, не сдержанные прической и заколками. Черные брови на бледном лице казались нарисованными. Глаза, темные и глубокие, манили цыганским обманом.

– Ваше будущее покрыто тьмой, не вижу его.

– Умеете гадать, мадемуазель? – спросил Ванзаров, отвечая прямому немигающему взгляду. Мало кто из женщин способен на такое. Пожалуй, только одна...

– Гадание – это дар. И проклятие.

Она не протянула руки, иначе Ванзаров оказался бы в неловком положении: целовать не хотелось, пожимать нельзя.

⁹ Рождественская песня на стихи Н. Новича.

- В Древнем мире гадания считали практической наукой, – ответил он.
- Неужели?

– Мантика у греков была общественным развлечением. Ауспиции и дивинации у древних римлян считались государственной службой. Цицерон в своем трактате «О дивинации» подверг беспощадной критике гадания по внутренностям животных. Он привел пример, как консул Клавдий получил от священных кур самые лучшие предсказания и был разбит карфагенским флотом. Хотя, если вспомнить Суллу, у которого из-под жертвенника выползала змея...
Прошу простить...

Спохватившись, что ударился в лекцию, Ванзаров вспомнил, что не представился.

Над темными зрачками взмахнули пушистые ресницы.

– Зовите меня мадам Ленорман.

– Рад приятному знакомству, мадам. Родственница знаменитой парижской ясновидящей?

– Я ее новое воплощение... Хотите, погадаю вам, Ванзаров? – спросила она слишком дерзко для краткого знакомства.

– Благодарю, откажусь.

– Отчего же?

Ванзаров никому не рассказывал про навыки, которыми владел. Навыки были сильнее гадания и ясновидения. Психологика предсказывала, как поведет себя человек, по особенностям его характера. Молниеносный портрет предсказывал, что ожидать от человека, которого первый раз видишь. А маевтика¹⁰ предсказывала нахождение истины, если уметь задавать простые вопросы и получать простые ответы. Умения Ванзаров тщательно скрывал. Как-то раз поделился с Лебедевым, и теперь великий криминалист глумился над психологией по любому поводу, обзывая лженаукой.

– Я не верю в гадания, мадам Ленорман.

– Не важно, во что верите вы, карты расскажут, что с вами будет.

– Не имею желания знать будущее.

– Неправда, Ванзаров. Все хотят знать грядущее.

– Но ведь гадать полагается на Святках? Следует подождать до послезавтра.

– У карт свои правила. Или вы боитесь?

– Бояться мне по службе не положено.

– Следуйте за мной, Ванзаров.

Мадам Ленорман отошла к столику в углу гостиной, жестом указав на стул.

Мгновенный портрет говорил, что барышня, называющая себя мадам, примерно двадцати четырех лет, не замужем, энергичная, нервная, волевая, образованна, часто поступает импульсивно, умеет быть скрытной, неплохая актриса, пользуется своей женской привлекательностью, привыкла подчинять мужчин, плохо питается, возможно, имеются проблемы с психикой. Все, что нужно для гадалки.

Ванзаров присел. Стул нового мебельного гарнитура, обитый материей в модный цветочек, жалобно пискнул. Появилась потертая колода. Ленорман рискнула залезть Ванзарову в душу взглядом. Что никому еще не удавалось.

– Вы – король червей, – она положила карту с красным сердечком над королем.

Спорить с барышнями Ванзаров считал занятием бессмысленным.

– Как прикажете, мадам Ленорман.

– Сначала узнаем о том, что было.

– Как вам угодно.

¹⁰ Наука «рождения истины», изобретенная Сократом.

Она выложила ряд из девяти карт и мотнула головой так, что черные колечки зашеле-стели перезвоном.

– В вашей жизни была большая любовь, которую вы спасли от смерти, но быть с ней вы не можете... Почему? – пальчик уткнулся в короля пик. – Она замужняя женщина.

– Прошу простить, вы ошиблись, – сказал Ванзаров.

– Карты не ошибаются, – она перетасовала колоду. – Теперь о том, что будет. Не боитесь узнать будущее?

– Зачем бояться того, что произойдет или нет? С равной вероятностью.

Первую карту Ленорман положила слева от короля.

– Осьмерка треф¹¹, – не поднимая глаз, она добавила: – У вас есть враг.

Ничего удивительного: с каждым годом друзей все меньше, а врагов все больше.

– Для чиновника сыска враги – дело привычное, – ответил он.

– Этот враг опасен и силен.

– Вам известно его имя?

Пропустив вопрос мимо ушек, Ленорман положила следующую карту справа от короля.

– Осьмерка вин¹²... Вам готовится измена, берегитесь дамы.

Ванзаров смолчал.

Ленорман сняла другую карту и положила под короля.

– Что пророчит девятка вин?

Она заглянула ему в глаза.

– Не шутите, Ванзаров. Это карта означает: ожидайте удара и будьте терпеливы.

– Благодарю. Я всегда терпеливо ожидаю удара. Это все о моем будущем?

– Осталась последняя карта...

Ленорман положила над королем карту рубашкой вверх, помедлила и перевернула.

– Туз треф. Что мне ожидать?

– Ваша участь решена, вам ничто не поможет, – ответила она и откинулась на спинку стула, свесив руки. – Никогда не видела такого плохого расклада. Ванзаров, вам грозит большая беда.

– Древние греки спрашивали Дельфийского оракула по любому поводу. Но были раздавлены Римом. Римляне изучали желудки кур, но пали от нашествия варваров. Чего же бояться нам, живущим в эпоху победы науки и прогресса?

– Поверьте картам.

Ванзаров хотел объяснить, что верить картам – все равно что верить гаданиям на кофейной гуще. Но тут появился Борис Георгиевич и так рьяно начал махать, что нельзя было ослушаться. Ванзаров извинился и пошел на зов брата.

Дальнейшее трудно описать. Ванзаров жарился в аду: дети с горящими глазами разворачивали подарки и вопили, елка горела огнями, Елизавета Федоровна пылала задором, а хорошенькая особа, которую ему представили, зажгла щечки румянцем. И сделала книксен, показав глубокий вырез платья с пышными достоинствами, которые еле удерживал лиф. Муки Ванзаров вытерпел как истинный римлянин: кланялся и улыбался. Улыбался и кланялся. Ну и так далее...

Провожая брата в прихожей, Борис Георгиевич сообщил страшную новость: Ванзаров понравился. Чрезвычайно и окончательно. Самое странное – Елизавета Федоровна от него тоже в восторге.

– Не знаю, что они в тебе нашли, – с долей ревности заметил он.

¹¹ Восемь крести.

¹² Восемь пик.

– Женщины не могу устоять перед шрамами, – ответил Ванзаров, натягивая каракулевую шапку фасона «Рафаэль»¹³. – Попробуй как-нибудь на дипломатических переговорах. Может, заберешь для нас Босфор и Дарданеллы.

Борис Георгиевич скривился.

– Не воображай о себе слишком много, Родион. Праздничная кутерьма затуманила Лизе мозги, она не разглядела тебя хорошенько.

– Ты усомнился в умственных способностях жены?

– Родион! Что ты себе позволяешь?

– Прости, Борис. А кто эта гадалка?

– Какая гадалка? Ты перепутал: у нас фокусник.

– Барышня, которая называет себя мадам Ленорман. Откуда она у вас в доме?

Дипломат легкомысленно пожал плечами.

– Может, Лизина подруга или жена кого-то из чиновников.

– Нет, она не знакомая твоей жены.

– Почему так уверен?

– Гадалка, приглашенная твоей женой, нагадала бы мне скорую свадьбу.

– Да, на такую хитрость Лиза способна, – не подумав, брякнул Борис Георгиевич, но быстро нашелся: – А что она тебе нагадала?

– Пустяки, что же еще. Отчего Ленорман сбежала, пока меня пытали под елкой?

– Не имею понятия... Неужели сбежала?

– Трудно предположить, что она пряталась в спальне твоей жены, когда гости разбирали подарки.

Борису Георгиевичу не хотелось решать глупейший вопрос: кого и зачем пригласила жена. Он нашел выход:

– Дамы тебя не должны интересоваться. Ты приглашен сегодня на семейный ужин.

– Борис, я не уверен...

– Отказы не принимаются, – отрезал старший брат, представляя, что придется ему пережить, если Елизавета Федоровна не найдет за столом жертву, намеченную в женихи. – Сам понимаешь, нельзя разрушать мечты юной барышни. Особенно с таким приданым. Дашь слово?

Умолчав обещание, Ванзаров обнял брата, будто прощаясь навсегда.

Он вышел на Таврическую.

Мороз стоял пеленой, словно скрывал будущее. Как предвещание оракула, туманное, лживое, обманчивое. Ванзаров глубоко вдохнул чистый обжигающий воздух. Он нарочно не обернулся и не взглянул на соседний дом, который виднелся лепным фасадом. С этим домом было связано слишком многое. Ни к чему ворошить сгоревшие угли...

Ванзаров поднял глаза на сверкающие окна квартиры брата, в которой продолжалось веселье. Следовало проявить настойчивость и поискать гадалку. Разузнать, кто она такая, кто и зачем ее пригласил. Конечно, предсказание карт могло быть совпадением. Случайностью. Догадкой. Или шалостью. Странно другое: откуда карты узнали то, что Ванзаров скрывал последние восемь недель? Откуда эдакая прозорливость?

Раздумав возвращаться, он направился к Суворовскому проспекту, где был шанс найти извозчика. Чиновник сыска уже неприлично опаздывал на службу.

¹³ Модель мужской зимней шапки с круглым верхом и широким загнутым бортом формы скошенной трапеции.

9

Под Рождество есть дельце куда выгодней, чем торговля дровами. Ради него Спиридонов набил пять возов елками, купил патент на торговлю и встал на Сенатской площади. Товар выставил в лучшем виде: каждое деревце воткнул в снежный холмик, ветки нижние подрубил, примятые расправил, верхушки выпрямил – стоят, красавицы. Глаз радуется. Сейчас деньги рекой потекут. Спиридонов уже кошель приготовил.

Встал он на Сенатской неделю назад. А нынче бранил себя последними словами. И даже предпоследними. Торговать осталось сегодня и завтра – товар не распродан вполовину. После-завтра елки можно будет выбросить. На распил и то не годятся. Сплошной убыток. Как назло, мороз такой ударил, что дрова берут по любой цене. А елки проклятушие никому не нужны.

Польстившись на барыши, Спиридонов обнаружил, что торговать елками в Петербурге – дело гиблое. Во-первых, ушлые чухонцы наладили промысел: длинную жердь красят в зеленый цвет, просверливают дырки, вставляют еловые ветки так, чтобы фальшивка выглядела как на картинке, и продают за копейки. Пусть иголки осыплются на другой день, искусственная елка краше настоящей. И дешевле. Это полбеда. Оказалось, что самый богатый покупатель заказывает елки из своего поместья. С тратами не считаются, привозят хоть из-под Твери. Над елками Спиридонова потешаются: дескать, ну и чучела, не чета нашей, из родного леса. Пальцем тычут, веселятся.

Да и это стерпеть можно. Так ведь кто знал, что елки в столице покупают дамы. Хуже этой беды не придумать. Сущее наказание. Столичная барыня такая привередливая. Все ей не так: эта не пушиста, у этой ветки кривые, у этой бок лысоват. Выразит недовольство и уйдет, нос задрав. Вчера одна такая кривлялась: одежда поношенная, ботиночки дырявые, а гонору – хоть отбавляй. Топор чесался проучить.

Ладно бы вредные покупательницы. Так ведь нет их! Рождественские ряды пустые, стоит торговля, торговцы стонут, и Спиридонов с ними. Стони не стони, все одно – сплошной убыток.

Топчась у елок, Спиридонов заметил господина, который брел мимо ларьков, глядя под ноги. С виду – покупатель не слишком выгодный, но хоть какой. Спиридонов решился на крайние меры. Когда господин оказался поблизости, он заступил дорогу и радушно вскинул топорик.

– Вот елочка, пушистая, душистая, только вчера в лесу стояла, в дом просится, извольте, господин хороший, лучше товара не найдете! До пролетки донесу, ради праздника – извозчик за мой счет! Извольте выбирать!

Плечи господина были согнуты, пальто расстегнуто, шарф висел веревкой, а котелок еле держался на голове. Он глянул на торговца. Спиридонов понял, что старания пропали зря: бедолага витал в облаках, не понимая, где находится и кто перед ним.

– Что вы сказали? – тихо спросил он.

Спиридонов не сдавался.

– Елочку для дома приглядите. У меня наилучшие. Возьму самую малость, по-божески. Детишек порадуете, жену...

– Жену? Ах да... Жену... Вы правы, жену...

Искра надежды не потухла: не важно, что господин странный. У них тут в столице много таких бродит. Главное – продать.

– Позвольте узнать, как величать вас, господин хороший?

Мужчина нахмурился, будто не понимая.

– Что-что? Ах, это... Николай Петрович...

– Очень приятно! – Спиридонов указал топориком на ближнюю елку. – Извольте вот эту красавицу... Украсит дом, гостей порадуете.

Странный господин не изволил головы повернуть.

– Гостей? – спросил он, кивнул, будто согласился. – Вот именно: гости... Гость важный...

Сказал и пошел прочь.

С досады Спиридонов чуть топориком не запустил.

– Ах ты ж пропасть, – проговорил и добавил то, что русский мужик вырывает из обиженного сердца. Искренно и смачно. Слова улетели морозным дымком.

Раздался звук, будто чем-то твердым ударили о деревяшку, затем шорох ветвей. Обернувшись, Спиридонов обнаружил, что крупная елка наклонилась. Не ветер ее покосил. В подножие ствола, торчащего из снега, упирался лбом человек. Лежа на животе, раскинул руки. Как птица, которая сослепу шмякнулась в дерево. Человек лежал тихо, не шевелясь, причем без пальто и шляпы, в мятом клетчатом костюме. Откуда он взялся и как умудрился налететь лбом на корневище, Спиридонов представить не смог. Упитаться с утра пораньше так, чтобы на карачках проползти по Сенатской площади, мимо памятника Петру Великому, здания Сената и Синода, чтобы уткнулся в елку... Невозможно. Городовые на каждом углу...

– Мать честная, – пробормотал Спиридонов, изумленный до корней души. Чего только в столице не случается, расскажет в деревне – не поверят.

Заткнув топорик за кушак, он потыкал валенком в плечо.

– Эй, любезный, вставай.

Человек не шелохнулся. Лежал, упираясь лбом в елку. Лицо уткнулось в снег. Спиридонов сообразил: дело неладно. Нехорошее дело, совсем нехорошее. Оставив товар, побежал к городовому, который топтался на углу площади и Дворцовой набережной. Городовой оказался знакомым: Масленов получил елочку в знак уважения. Без лишних уговоров согласился разобратся.

Нагнувшись над господином, городовой строго потребовал назвать себя. Тело осталось безучастно. Тогда Масленов перевернул тело на спину. Голубые глаза человека смотрели спокойно и неподвижно.

– Вот, значит, как, – сообщил городовой и грозно хмыкнул.

– И как же? – спросил Спиридонов, ощущая нехорошее шевеление там, где оно шевелится перед бедой.

– А то и значит: мертвый.

– Как мертвый? – еще не веря, переспросил торговец.

– Ты мне ваньку не валяй. Признавайся: за что господина обухом по затылку тюкнул? Куда пальто дел? Думал провести меня? Не вышло... Попался, убивец...

Спиридонов сглотнул ледяной ком в горле.

– Да что же такое говорите, Никита Парфенович... Да разве можно... Да ведь люди кругом... Все подтвердят... Не знаю, откуда взялся он на мою голову... Елку сам башкой своротил... Как заметил его, сразу за вами побежал. Не виновен ни в чем. Вот вам крест.

Сорвав шапку, Спиридонов истово перекрестился.

Глянув со всей суровой строгостью, городовой умерил гнев.

– Ладно, в участке пристав разберется... Бери его пока...

– Как брать? – растерялся Спиридонов.

– За ноги. Подсобишь до пролетки донести...

Городовой поднял тело за подмышки. Стараясь не смотреть на покойника, Спиридонов подхватил под колени. Так и понесли. Тело было тяжелым, как бревно. Торговцы наблюдали за приключением издали. Осиротевшие елки держались вместе. Только одна торчала наискось, как знак перечеркнутой надежды.

Полицейская служба научила господина Шереметьевского подмечать невидимые знаки. Занимая должность начальника столичного сыска, он внимательно следил, куда укажет настроение начальства. Для этого завел множество знакомств, и самым полезным из них был секретарь директора Департамента полиции чиновник Войтов. Именно он сообщал мелкие факты, из которых Шереметьевский делал большие выводы.

Скажем, вчера за праздничным угощением Войтов невзначай сообщил, что директор Зволянский приказал на завтра, то есть уже сегодня, пригласить чиновника Ванзарова для личной аудиенции. Причина держится в секрете. Во всяком случае, секретарю она не известна. Шереметьевский свел на шутку: дескать, его мало беспокоит, что подчиненного вызывают к начальству через его голову. Милые пустяки. Притихшие опасения вспыхнули с новой силой.

Надо сказать, что чиновник Ванзаров был для начальника сыска хуже занозы: он был мучением и загадкой. Мучался Шереметьевский потому, что не мог обходиться без Ванзарова, при этом страстно желал от него избавиться. Он сознавал, что если кто и может в сыске распутать сложное дело, то не любезные чиновники, а только Ванзаров. Остаться без непокорного, строптивного, непочтительного, дерзкого и наглого субъекта, который держит в беспорядке бумажные дела, Шереметьевский не мог. Как не может охотник прогнать старую легавую, которая одна берет волка. Ванзаров был козырем в рукаве начальника сыска.

Больше ванзаровского гонора Шереметьевского смущала загадка, разгадать которую даже чиновник Войтов не помог. Дело в том, что Ванзаров несколько раз оказывал услуги высокопоставленным лицам. Причем кому именно и что за дела вел, Леониду Алексеевичу разузнать не удалось, а подчиненный отделивался пустыми отговорками.

Казалось бы, за успехи и усердие должны посыпаться награды, чины и повышение, не исключая места начальника сыска. Ничего подобного не случилось. Ванзаров оставался при мелком чине, орден на лацкан ему не упал, и вообще Шереметьевский не замечал мельчайшего намека, что подчиненного готовят на его место. Хотя был уверен: его подчиненный оказал нерядовую услугу, за которую полагается щедрое покровительство.

Взять хотя бы таинственные события в конце октября – начале ноября. Ванзарова лично вызвал директор Зволянский: по слухам, в деле было замешано высшее лицо из Министерства внутренних дел, судебный следователь по особо важным делам Бурцов, какое-то отношение имело Охранное отделение. Но что именно происходило? Покрыто тьмой неизвестности. При этом Шереметьевский был уверен, что Ванзаров распутал дело важнейшее. Полагается почет и слава.

Так ведь ничего подобного. Прошло почти два месяца. Ничего не изменилось. Никакой милости от начальства. Ванзаров по-прежнему ходил рядовым чиновником, раздражал Шереметьевского, ленился писать бумаги. Только одна странность появилась: он явно был занят чем-то кроме рутинных дел. Неужто строго секретное поручение? Или тайные полномочия?

Мучился Шереметьевский и не находил ответа. И вот опять знак: новый вызов к Зволянскому. Хорошенько прикинув, начальник сыска счел разумным сменить тактику: приблизить Ванзарова. Изобразить дружеское участие. Чтобы аккуратно выведать, что он скрывает. Леонид Алексеевич был уверен, что секрет стоит того, чтобы проявить дружелюбие к наглецу, которого терпеть не мог. Так или иначе, польза будет. От Ванзарова всегда польза. Взять хотя бы, какой эффект произвело его появление в кровавых шрамах и с обстриженной головой.

Дело было 2 или 3 ноября. В приемном отделении сыска томились пойманные вори-рецидивисты: Ванька Сынок, Мишка Щука, Васька Бегемот, Клавдюшка Генеральша, Сашка Архирейка, Колька Розга. Воры вели себя нагло, сознаваться не желали, задевали чиновников,

ведущих допрос. И тут в приемное входит Ванзаров – красивый, как разбойник с большой дороги.

Воры присмирели, а Клавдюшка Генеральша пожелала сделать чистосердечное признание. За ней начала каяться остальная шайка. За полчаса все было кончено. Дела отправились в Окружной суд, а воры в арестантский дом на Конной площади. Пока шрамы не зажили, а волосы не отросли, чиновники просили Ванзарова заглядывать, когда допрашивали особо упрямых личностей. Он приходил, смотрел молча, после чего признания текли рекой. Счастье продлилось недолго. Недели через три Ванзаровым уже не удавалось напугать. Но и то сколько дел закрыли.

Сидя в кабинете, Шереметьевский услышал, что чиновники здороваются с Ванзаровым. И поспешил лично приветствовать нового друга.

Ванзаров опять копался в донесениях полицейских участков. Что ему понадобилось в заурядных происшествиях? Не мог Шереметьевский разгадать. Он подошел к столу, на который ложились депеши от приставов, по-отечески похлопал Ванзарова и выжал улыбку.

– Похвальное усердие, друг мой. Нашли что-то важное?

Ванзаров держал листок с грифом 2-го участка Александро-Невской части.

– Пристав Спринчан сообщает, что на откосе Обводного канала в снегу обнаружено тело женщины без видимых повреждений. Доставлено в морг Обуховской больницы.

Леонид Алексеевич искренно не понял, что тут может интересоваться: пристав помощь не запрашивает, дела никакого нет – наверняка пьяная упала, уснула и замерзла насмерть. Столько таких несчастных по весне находят.

– Чем-то поможет вашему делу?

Ванзаров отложил листок в стопку.

– Какому делу, ваше высокоблагородие?

«Ах ты ж, зараза», – более на себя рассердился Шереметьевский. Нельзя с этим субъектом напрямую. Слишком умен. И вид еще разбойничий.

– Ну зачем так официально, друг мой. Простите мое любопытство, исключительно по-дружески: вот уже которую неделю сводки изучаете.

Глаза Ванзарова были чисты, как у шулера. Исключительный наглец.

– Удовлетворяю научный интерес, господин коллежский советник.

Шереметьевский справился с улыбкой.

– В чем же ваш интерес?

– Хочу найти закономерность, научиться делать прогноз о том, когда и сколько будет совершено преступлений. Чтобы постараться предотвратить хотя бы отдельные.

Леонид Алексеевич был умен достаточно, чтобы видеть: над ним потешаются. Буквально смеются в лицо. Ну какие прогнозы и предотвращения? Они же сыск, а не волшебники. Нет, темнит, наглец, что-то серьезное утаил. Никак не подобраться. Чем бы его зацепить?

Начальнику сыска пришла в голову мысль настолько простая, что почти гениальная: вывести за праздничным столом. У пьяного язык развязан.

– Поддерживаю ваши научные изыскания, – сказал он. – Получите результат, ознакомлюсь с большим интересом. Но уже после праздников. А нынче такие чудесные дни предстоят, о науке думать грех. Вот что, друг мой, позвольте пригласить вас к нам на елку... Нет, нет, отказа не приму! Супруга моя будет рада видеть вас, наслышана о ваших подвигах. Да и дочери тоже... У нас просто, по-домашнему, но весело. Жду вас в первый день Святка, 25 декабря, к вечеру. Ваше слово?

Выбора не осталось. Ванзаров вынужден был обещать. И даже пожать протянутую руку. Шереметьевский не отстал, завел разговор о том, какая в этом году выплачена щедрая надбавка к жалованью, «на гуся», и как чиновники благодарны директору Департамента Зволянскому за заботу, и так далее...

Ванзаров терпеливо слушал. И тут в помещение сыска заглянул чиновник 3-го участка Казанской части, который располагался на первом этаже полицейского дома. В участке был установлен телефонный аппарат, а в сыске нет. Приставы частенько телефонировали в Казанский, чтобы передать сведения в сыск.

– Пристав 2-го Спасского просит прибыть в Апраксин рынок, – доложил он.

– Что там еще? – выразил недовольство Шереметьевский: бесцеремонно прерывают важный разговор. Не просто важный, а расчетливый.

– Вроде купца в лавке повесили.

Леонид Алексеевич не успел придумать, кого из чиновников отправить: нужно самого ушлого, чтобы сумел спихнуть дело. Зачем под праздники разбираться с трупом? Пусть пристав пыхтит.

– Ваше высокоблагородие, разрешите мне заняться.

Не просит, а будто приказывает. Надо стерпеть, до поры до времени.

– Ну зачем вам, друг мой, утруждать себя? Дело наверняка пустяковое, опять пристав ленится самостоятельно расследовать.

Ванзаров уже шел к вешалке.

– Много времени не отнимет. Гляну, что там произошло.

– Вы уж постарайтесь, – начал Шереметьевский и прикусил язык. Чуть не приказал скинуть дело на участок. Исполнительный чиновник сумеет, а этот наглец назло в сыск заберет. А может, просто сбежал от душевного разговора? Или ищет чего-то? Кто его разберет.

Вот ведь болячка проклятушая.

11

Доктор Миллер ненавидел шумные праздники. Столица веселилась, а Обуховская больница пожинала плоды. Перепившие, переевшие, сломавшие ноги и руки, разбившие голову и выпившие по ошибке кислоту, выпавшие из саней, замерзшие в снегу, попавшие под конку и прочие увечья и напасти, какие и выдумать нельзя, сыпались как из рога изобилия в приемный покой. Каждый день Святки доставлял в больницу раз в пять, а то и в семь больше пациентов. Другой праздник, какого доктор Миллер ожидал с трепетом, – Масленичная неделя. До нее далеко. Святки бы пережить.

Проверив запасы самого необходимого: бинтов, ваты, морфия, йода, брома и рвотного, Август Адамович собрался в тишине и спокойствии выпить чаю. Дверь приемного кабинета распахнулась. На пороге торчал санитар в халате, не отличавшемся чистотой. Здоровенный мужик пучил глаза и малость подрагивал. В больнице всегда так: как нарочно, объявляется дело, которое не может ждать.

– Чего тебе, Ергушин? – раздраженно спросил Миллер.

– Там... Там... – пробормотал санитар, икнул и махнул рукой позади себя.

– Выражайся ясно или отправляйся вон, – привычно сказал доктор.

Запинаясь и путаясь, Ергушин понес такую чушь, что Августа Адамовича охватила тоска: ну вот, пожалуйста, уже начинается. Санитар наверняка хватил спирта. А ведь толковый, сколько лет в больнице служит.

– Хочешь сказать, из мертвецкой покойник вышел?

Ергушин яростно мотнул головой.

– Постучал оттудова. Сам открыть не мог, значит, то есть. У нас дверь на запоре.

– А Печенкин где был? – спросил Миллер, надеясь, что второй санитар трезвый.

– Тут и был... Лежал на полу.

– Пьяный?

– Как можно, Август Дамыч... В обморок Петя впал. Как из мертвецкой постучали, он и брякнулся.

Будучи образованным человеком, Миллер знал, что мертвые не могут выходить из морга, вставать из могил и так далее. Это наука запрещает. А если такое случилось, значит, опять разгильдяйство или глупость: недоглядели, засунули в мертвецкую живого, потерявшего чувства. Или другое объяснение: протрезвел на холоде и очухался.

– Кто же это явился с того света?

– Да свежий, его час назад городской с Сенатской доставил, доложил, что убили обухом по затылку... Мы его уложили на полку под неизвестной дамой, что вчера с Обводного доставили.

– Она-то хоть не ожила?

– Никак нет, Август Дамыч... А этот, свежий, вот чего...

Доктор Миллер любил порядок и дисциплину, не мог привыкнуть к российской расхлябанности. Ну что это за безобразие: записали в покойники, положили в морг, лежи себе тихонько, радуйся. Так ведь нет, надо санитару до обморока довести. Что за народ... Не понимают, что никакого чуда: человек перебрал и пришел в себя. Верят во всякий вздор.

Август Адамович мог призвать Ергушина к порядку, но ему захотелось взглянуть на ожившего. Прихватив пузырек с нашатырем для пострадавшего Печенкина, он накинул пальто и пошел за санитаром. До мертвецкой идти через двор.

Войдя в одноэтажный домик, где дожидались вечного упокоения те, кому медицина приказала, доктор Миллер не обнаружил в предбаннике санитару. Зато на лавке перед открытой дверью мертвецкой сидел мужчина средних лет в сильно помятом костюме. Опытным глазом доктор определил добротную материю, хоть и вызывающей расцветки в желто-красную клетку. Шевелюра бывшего трупа находилась в сильном беспорядке. Он потирал лоб, на котором виднелась приличная шишка.

– Вот каков, извольте видеть, – пробормотал санитар за спиной Миллера.

– Помолчите, Ергушин, – раздраженно сказал доктор и обратился к ожившему: – Что с вами случилось?

– Неудачно перешел, – ответил тот, массируя шишку. – Вечно не везет.

– Неудачно перешли улицу? Пролетка сбила? – уточнил Миллер, любивший точность в деталях. – Как же вы на Сенатской оказались? Городовой сообщил, что вас обухом по затылку ударили. Объяснитесь...

Господин в клетчатом сложил руки на коленях. И удостоил доктора взглядом.

– Где я нахожусь? – спросил он требовательно.

– А сами как полагаете?

– В больнице?

– Вас положили в мертвецкую. Осмотреть не успели, а тут вы изволили постучать с той стороны. Покойники у нас тихие, так себя не ведут. Напугали санитаров. До смерти. Не так, ли Ергушин?

Санитар издал многозначительный стон.

– Все же попрошу объяснений, – продолжил Миллер.

– Зачем вам?

Субъект не только живой, но и строптивый. Август Адамович не терпел такое поведение пациентов. Послушание и покорность лечению. И только.

– Хоть для того, чтобы сообщить в полицию. Городовой вашего убийцу в участок потащил. Жаль человека, в Сибирь отправят ни за что.

Господин провел пятерней по волосам, впрочем напрасно, и кивнул.

– Скажу, но вы не поверите. Как обычно.

– Внимаю с нетерпением.

– Я путник.

Доктор ожидал продолжения, разъяснения и тому подобного.

– Куда путь держите? – прервал он молчание.

– Куда или откуда – не имеет смысла, – последовал ответ, сказанный тоном надменного превосходства.

– Ну так поясните нам, милейший, – стараясь не раздражаться, сказал Миллер.

И тут пациент изложил занятную историю. Август Адамович не спорил, не возражал, а делал вид, что слушает внимательно. Присел на лавочку поближе к больному, чтобы приняться. Так и есть: ни намек на перегар. Диагноз однозначный. Праздник ни при чем. Это – болезнь.

– Вот в чем состоит дело, – закончил странный господин. – Вы не поверили.

– Отчего же, голубчик, вы убедительны, – сказал Миллер, вставая с лавки.

– Правда поверили?

– Истинная правда, – доктор запахнул пальто. – Обождите тут, пойду посоветуюсь, как вам помочь. Не замерзли? Одежда принести? А то вы без пальто.

– Я не боюсь холода.

– Ну и славно, – Миллер улыбнулся, хоть и не любил этого. – Ждите.

Выйдя во двор и затворив дверь, он дал указание санитару: взять в подмогу Печенкина и отвезти несчастного куда следует.

– Больных сифилисом и сошедших с ума не принимаем. Так ведь, Ергушин?

Санитар согласился: на этот счет в Обуховской правила строгие.

– Значит, везите на Пряжку. Там путнику самое место.

12

Искать счастливое место Пяткин зарекся. Не до того ему было. С вечера напал на извозчика неведомый страх. Казалось бы, страх – привилегия барышень и нервных субъектов, которые от безделья не знают, чем себя развлечь. Трудовому мужику страх незнаком. Да вот только Пяткин с ним близко познакомился.

Как умчался с Обводного, как выехал на Невский проспект и дал лошаденке передышку, заметил на углу городского. Тут и показалось, что городской вроде спросить хочет: «А не ты ли, Пяткин, убивец?» Извозчик глаза отвел, нос в воротник засунул, проехал мимо. У следующего городского страх чуть не задушил. И душил при виде каждой черной шинели. Замучил вконец. Извозчик чуть живым в конюшню вернулся. Зарылся в сено и остался ночевать.

Утром проснулся, водицы ледяной испил, лошади овса насыпал, вроде отпустило. Стал он сам с собой беседу вести. Рассудил городских не замечать, будто нет их. Стоит себе черный столбик, ну и пусть. Ему какое дело.

Выехал Пяткин в город, собрав всю храбрость в варежку. Городовых издали примечал, старательно взгляд отводил. И понемногу обвыкся. Двух пассажиров отвез. Третий попался на набережной Фонтанки. Вышел из казенного здания статный господин в распахнутом пальто, приказал на угол Офицерской и Львиного переулка. Согласился на полтинник¹⁴, не торгуясь. Пяткин осмелел, спину распрямил. Выехал на Садовую улицу и вдруг чует: воню лютой несет. Даже лошаденка головой вертит. Оглянулся, а господин развалился на диванчике и покуривает сигарку мелкого вида, но такую ядреную, что народ шарахается. А ему хоть бы что. Экий занятный господин.

На Офицерскую улицу Пяткин въехал в бодрости. Лошадке прикрикнул, чтобы веселее шла. Но как подъехал, куда было заказано, чуть не обмер от страха. Оказалось, что господин

¹⁴ 50 копеек.

привез к полицейскому дому Казанской части. Вот и конец: сейчас руки скрутят и поведут в тюрьму. Ожидая неминуемого, Пяткин сжался воробушком. Господин приказал обождать, прыгнул на снег, отчего пролетку шатнуло лодкой на волнах, при этом издал радостный вздох человека, владеющего здоровым телом.

Сдвинув шапку на глаза, Пяткин услышал, как хлопнула входная дверь, а затем радостный крик его пассажира:

– Ага, попался, жулик!

Извозчик накрепко зажмурился. Все, конец...

– Аполлон Григорьевич? Как тут оказались? – услышал он, не разжимая глаз.

– Да вот решил навестить друга, который прячется два месяца...

– Совсем не прячусь.

– Ну конечно! Жульничать не выйдет... Все, беру вас под арест.

– Я не могу.

– Знать не желаю, друг мой! Едем к Палкину¹⁵, у меня пролетка ждет.

– Зачем?

– О боги естественных наук! Что за человек? Угощу поздним завтраком.

– Благодарю, не голоден.

– Двадцать третье декабря, праздник почти наступил. Пора веселиться. Прокутим наши премиальные. На «гуся» получили? Спустим подчистую. Поехали!

– В другой раз.

– Обидеть хотите? Столько не виделись, и вот так встречаете?

– Давайте не сейчас...

– Чем же так заняты?

– Вызвали в Апраксин рынок, там происшествие.

Пяткин услышал тираду, от которой и лошадь покраснеет. Но страх поубавился: вроде его арестовать не спешат. Может, опять пронесет... Приоткрыв глаза, он оглянулся. Рядом с пассажиром стоял коренастый господин в каракулевой шапке «Рафаэль». Незнакомец глянул так, что извозчик вжал голову в плечи.

Высказав все, что думает про неугомонных чиновников сыска, Лебедев предложил довести до Апраксина. Дождется, пока Ванзаров закончит свои делишки, и все равно отвезет к Палкину. Свои решения великий криминалист не менял.

Указав Ванзарову залезать первым, Аполлон Григорьевич запрыгнул и втиснулся на диванчик пролетки. Было тесно. Теснота не мешала. Уточнив, куда именно в Апраксин, Лебедев приказал подъехать со стороны Фонтанки. Пяткин обрадовался, что не оказался за решеткой, и забыл торговаться. Так и поехали.

Аполлон Григорьевич легонько ткнул локтем в бок. У обычного человека уже бы перехватило дыхание, Ванзаров не шелохнулся.

– Ну и что это означает?

– О чем вы?

– Не стройте из себя дурака, оставьте эту привилегию нашему начальству.

Настроение Лебедева было игривым. Проверять его на прочность не следовало. Даже лучшему другу. Ванзаров придвинулся к уху великого криминалиста и спросил шепотом:

– Чем напугали извозчика?

Лебедев пыхнул сигаркой, облачко дыма отнесло на кухарку, которая выронила корзинку и зажала ладошкой нос.

– Чтоб я обидел трудовой народ? Он двойной тариф содрал, я виду не подал.

¹⁵ Знаменитый ресторан на Невском проспекте.

– Наверно, показалось, – согласился Ванзаров. И принялся рассматривать замерзшую реку Мойку, которую проезжали.

Аполлон Григорьевич издал предупреждающее хмыканье.

– Не увливайтесь, друг мой. Не отстану.

– Я знаю.

– Тогда не измеряйте глубину моего бездонного терпения, – Лебедев довольно ухмыльнулся. – Чем занимались все эти дни, пока заживали живописные шрамы?

– Октябрьские истории напоминать не надо?

Последовал утвердительный кивок: такое не забывается.

– Под конец тех событий мне было обещано, что произойдут ужасные происшествия, которые нельзя остановить, – продолжил он. – Были обещаны мне лично. При последней встрече с известным вам отчаянным господином.

– Тот самый ссыльный тип?

– Дал мне слово за несколько мгновений до своего конца. Слово было пропитано ненавистью, какую скопил за долгие годы.

Лебедев согласно кивнул.

– Такой человек слов на ветер не бросает, – сказал он, выпустив облачко сигарного дыма. – Обещание серьезное.

– Я пытался понять, где может быть нанесен удар. Ждал и готовился.

– Рассчитывали, что некие личности под его гипнозом будут убивать, не понимая, что делают? Как сомнамбулы?

– Наиболее логичный вывод, – ответил Ванзаров. – Однако ничего не произошло. Совсем ничего, что могло быть запущено как мина замедленного действия. Каждый день проверял сводки, дал указание приставам докладывать о любом странном случае. Ничего.

– Возможно, время не пришло?

– Два месяца – большой срок. Сила гипноза должна ослабнуть. Он был выдающимся гипнотистом¹⁶, но не всемогущим. Спланировать убийство при помощи сомнамбулы на отдаленный срок – маловероятно.

– Напомните, как он заставлял становиться убийцей?

Лебедев ничего не забывал и отлично помнил все детали прошлых событий. Ванзаров сделал вид, что поверил в забывчивость друга.

– Под гипнотическим внушением гипноту¹⁷ отдается приказ: выполнить конкретное действие, когда тот услышит ключевую фразу. Человек мог внезапно порезать ножом или опрокинуть кипящий самовар, ударить чем-то тяжелым, убить случайного человека. Убийца не осознавал, что делает.

– Фразу спусковой крючок узнать удалось?

– Только одну. Должны быть иные.

– Круг лиц, из которых он мог подготовить механических убийц?

Ванзаров только головой покачал.

– Логично предположить, что такому гипнозу подверглись те, кто не вызывает подозрений: молоденькие барышни, матери семейств, почтенные дамы...

– И в результате?

– Я ошибся...

Аполлон Григорьевич без церемоний выбросил сигариллю, чуть не угодив в проезжавшую пролетку.

¹⁶ Гипнотизер выступает на эстраде или в цирке. Гипнотист занимается настоящим гипнозом.

¹⁷ Тот, кто подвергается воздействию гипноза гипнотиста.

– Не припомню, когда слышал от вас подобное признание, друг мой... Чем же вам помочь... Рассматривали возможность, что могло ничего не случиться? – спросил он.

– Потому что машина страха уничтожена? – в ответ спросил Ванзаров. – Эта мысль очевидная. И ошибочная.

– Почему же?

– Обещая бедствия, каторжанин не мог знать, что машина страха погибла, а его сподручный мертв.

– Ну так в этом все дело! – обрадовался Лебедев. – Совершенно очевидно: он рассчитывал, что машина страха будет запущена. Наверняка она должна управлять сомнамбулами. А раз ее нет – ничего не произойдет.

– Так думали господа революционеры и охранка, когда пытались ее найти, – ответил Ванзаров. – Машина страха не может создавать сомнамбул-убийц. К тому же предмет, который уничтожили в доме на Екатерининском канале, совсем не машина страха. Каторжанин это знал. Иначе не выдал бы, где она находится, своему помощнику. Он его обманул, потому что использовал для своих целей. Хоть и поплатился за это.

– Где же тогда настоящая машина страха? – в задумчивости спросил Аполлон Григорьевич. – Где пресловутое изобретение господина Иртемьева, великого спирита, которое принесло столько бед и погубило своего создателя?

– Машина страха – не предмет и не аппарат. Это нечто другое.

– Что же?

– Допускаю, что миф, которым Иртемьев прикрывал пустоту. Он так заботился о своем величии, что мог выдать желаемое за действительное. Пустил слух, ему поверили, ну и бросились искать то, чего не было.

– Верится с трудом...

– Помните свояченицу Иртемьева?

– Тихоню, что погибла в тюрьме?

– Мадемуазель обладала невероятной силой гипнотизма, которую использовала для своих целей. При этом жила в квартире Иртемьева на правах сестры его жены. А он ничего не замечал.

– Хотите сказать: некто неизвестный и есть истинная машина страха?

– Нельзя исключить. Назвать кандидатуру не могу.

– Может, ваши беспокойства напрасны, друг мой?

Ответил Ванзаров не сразу.

– Обещание каторжанина исполнится. Я уверен. Но не могу вычислить, где. И с кем, – добавил он, невольно представляя конкретную персону.

– Что намерены делать?

– То, что могу: разыскать тех, кто может знать важные подробности.

– Например, бывший филер Почтовый, что так ловко сдал вас на эксперименты в больницу умалишенных? – Великий криминалист не упускал случая воткнуть булавку.

Ванзаров согласно кивнул:

– И доктор Охчинский, что бесследно пропал. Ну и не откажусь побеседовать с ловкой барышней, которая блестяще провела начальника охранки.

– Пирамидова? – обрадовался Лебедев. – Я бы многое отдал, чтобы поцеловать ей ручку. Болвана полковника стоило проучить. Что сделала эта чудесная девушка?

– Это секрет, – ответил Ванзаров, но, получив удар по ребрам и взгляд, обещавший гром и молнии, не без удовольствия сдался: – Только вам, Аполлон Григорьевич, потому что никому не расскажете...

– Тот-то же! Сгораю от нетерпения.

– Она заявила к полковнику Пирамидову прямо в охранку и представилась женой... – тут Ванзаров назвал фамилию, которую принято было называть шепотом.

Лебедев издал рык голодного кота, поймавшего мышку.

– Какая умница, – с почтением проговорил он.

– Какая дерзость, – согласился Ванзаров. – Она заставила полковника привезти из Петропавловской крепости на спиритический сеанс известную вам польку. Что должно было закончиться катастрофой...

– Изумительная! Роскошная! Чудесная! – Лебедев изобразил, что целует кончики пальцев. – И вы не знаете, кто эта редкостная барышня?

– Узнаю, когда познакомлюсь...

Между тем пролетка минула желтую громаду Министерства внутренних дел на набережной Фонтанки и остановилась, не доехав до здания Малого театра¹⁸. В широком проеме виднелись корпуса Апраксина рынка.

– Приехали, господа, – пробурчал Пяткин, старательно не поворачиваясь.

– Могу задержаться, стоит ли вам ждать, – сказал Ванзаров, вставая с диванчика.

Лебедев подхватил походный саквояж желтой кожи, с которым никогда не расставался, и спрыгнул с пролетки.

– Замешкаетесь, так потороплю... Не сидеть же на морозе... Извозчик, дожидайся. Как вернемся, поедем на Невский к Палкину, ценой не обижу: три рубля за все разъезды, – и Аполлон Григорьевич уверенно пошел к толпе зевак, которую отгонял городской.

Прежде чем сойти, Ванзаров постучал извозчика по спине. Пяткин глянул из-за поднятого воротника.

– Чего изволите?

– Вот что, любезный, если чего боишься, приходи в сыскную, спросишь Ванзарова, это я. Все как на духу расскажешь, найду способ тебе помочь...

– С чего взяли, господин хороший? – пробормотал Пяткин, глотая сердце в горле.

– Ты от городских голову воротись. Приходи, как страх победишь.

Сойдя в утоптаный снег, Ванзаров догнал Лебедева.

Магазин антикварных предметов торговца Морозова находился внутри Апраксина рынка в корпусе Козлова, что располагался между Шмитовым проездом и набережной Фонтанки, невдалеке от Малого театра.

Городовой отдал честь и распахнул дверь магазина. Словно дождавшись, на пороге появился пристав Хомейко. Пристав был в гражданском пальто, потому что не служил в армии, имел чин статского советника, а вид сонный и домашний. Как кот, которого согнали с теплой печи.

– Господин Ванзаров, рад видеть, – сказал он без радости, слепо сощурившись. Но, разглядев, кто рядом с чиновником сыска, подобострастно добавил: – Господин Лебедев, ну зачем же вас побеспокоили...

Хомейко не столько испытывал почтение к великому криминалисту, сколько помнил, как Лебедев выбросил в Фонтанку пристава, посмеявшегося ему перечить. В столичной полиции Аполлон Григорьевич заработал репутацию безжалостного, вздорного, строптивного и неуправляемого чудовища, без которого нельзя обойтись. Что давало преимущество: дураки в чинах старались держаться от него подальше. Про убийственные никарагуанские сигарки и поминать не стоило.

– Тут купец повесился? – спросил Ванзаров.

Пристав усмехнулся.

– Повесился? В каком-то смысле... Извольте сами взглянуть.

¹⁸ Малый театр в Петербурге теперь называется Большой драматический театр им. Г. А. Товстоногова (БДТ).

13

Просмотрев последние записи в историях болезней, доктор Успенский вызвал санитару и попросил привести больного, которого доставили из Обуховской. Как и прочие лечебные заведения столицы, больница Святителя Николая Чудотворца готовилась к бедствию. То есть к праздникам. Их пациенты падали первыми жертвами от обилия выпивки, закусок и чрезмерных развлечений. Больное сознание не выдерживает сильных эмоций и крепких градусов. Новый пациент был первой ласточкой. Болезнь его имела столь редкую форму, что Сергей Николаевич захотел ознакомиться лично, пока больной не попадет к лечащему врачу.

В дверь постучали, Успенский разрешил войти. Санитары вкатили каталку, на которой сидел спеленатый мужчина. Над белым коконом смирительной рубашки, перетянутой ремнями, торчала взлохмаченная шевелюра, будто человека ударило током. Доктор знал, что электричество к пациенту еще не применяли. Вкололи двойную дозу успокоительного. Глаза пациента были мутны, но смотрел он с ненавистью. Успенский попросил санитаров выйти.

– Как себя чувствуете? – он приподнял подбородок больного, разглядывая зрачки и синеватую шишку на лбу.

Тот резко дернул головой.

– Зачем со мной так поступили?

Успенский не стал возбуждать пациента, отодвинулся и мирно скрестил руки.

– В чем же мы провинились перед вами, милейший?

– Прекратите разговаривать со мной как с умалишенным! – пробурчал пациент.

– Ну что вы... Мы просто хотим вам помочь. Немного перенервничали. Устали... Вижу, головой ударились.

– Это неудачный переход... Ничего, я привык... Шишка заживет.

– Не первый раз головой ударяетесь?

Пациент дернулся как бабочка, которой пришло время вылететь из кокона. Ремни держали крепко.

– Не смейте говорить со мной подобным образом!

– Спокойнее, милейший, спокойнее... Поверьте, у меня и мысли нет вас обидеть.

Мне важно разобраться, что с вами произошло, найти настоящую причину и помочь вам...

Связанный презрительно хмыкнул.

– Помочь... Помочь мне вы не можете... Вы не понимаете, что случилось...

– Так расскажите, с удовольствием вас выслушаю, – мягко ответил Успенский.

– Я... Я... – признание не давалось бедняге. – Я промахнулся... И опоздал...

– Опоздали на встречу?

– Да, пусть так: на встречу! – вскрикнул больной.

– Ну-ну, тише, – доктор сделал примирительный жест. – С кем была назначена встреча? С дамой или знакомым?

– Вас не касается! – посмел дерзить связанный.

– Как вам будет угодно, не смею настаивать...

– Вы просто не сможете понять... Это выходит за рамки вашего понимания. Что выходит за границы вашего разума – того не существует. А говорящий об этом – сумасшедший. Вы же заранее считаете любую странность бредом. Я прав?

По опыту доктор знал, что больные бывают настолько красноречивы, что хочется им поверить.

– Как бы вы поступили на моем месте?

Его наградили циничной усмешкой.

– На вашем месте я не окажусь. Никогда. Прошу: развяжите и отпустите меня. Это слишком важно.

Чего и следовало ожидать: за разумными аргументами непременно следует попытка побега. Типичная картина. Успенский улыбнулся.

– Допустим, отпущу вас. Куда вы пойдете?

– Куда мне крайне необходимо попасть...

– А точнее?

– Я не могу объяснить... Вы не поймете...

– Что ж, не смею настаивать, – доктор изобразил покорный вздох. – Позвольте узнать: почему в мороз оказались без пальто и шляпы?

– Я спешил... Не рассчитал...

– Спешили. Это бывает. Однако костюм на вас довольно... своеобразный, – сказал доктор, глядя на кокон, под которым мерзло нагое тело. – Вы актер, вероятно?

– Почему так решили?

– В Петербурге редко встретишь господина в таком... веселом клетчатом костюме. Разве только на арене цирка...

Больной издал обиженный звук.

– Обычный костюм, почти новый, – ответил он и вскрикнул, будто опомнился: – О чем тут говорить? Отпустите меня! Прошу вас!

– Сделаю все возможное, – привычно ответил доктор. – Только поясните, как же вы заработали такую роскошную шишку?

– Опять... Ну хорошо... На пути оказалось препятствие... Ударился об него... Оказался ствол елки... Довольно болезненно... Потерял сознание... Так бывает... Довольно часто... При переходе...

– Не заметили елку в лесу?

Несчастный издал рык и попытался броситься, но съехал на каталке. Заглянули санитары. Успенский попросил усадить буйного и обождать. Когда за санитарями закрылась дверь, он виновато покачал головой.

– Прошу простить за неуместную шутку, – искренно сказал он. – Мне чрезвычайно важно понять, что с вами случилось. Давайте начнем с простого... Поясните, пожалуйста, что имеете в виду, когда говорите: переход. Куда переходили?

Опустив голову, спеленатый пациент сидел молча. Доктор решил, что острая фаза перешла в апатию как-то слишком быстро. Он собрался проверить пульс, когда больной глянул разумным взглядом.

– Вы не поверите...

– Обещаю выслушать со всем вниманием.

– Хорошо, расскажу вам все...

– Крайне признателен.

– Вы знаете, кто я?

Успенский глянул в историю болезни: имя как имя. Что-то знакомое. Хотя верить нельзя: больной сам назвался.

– И кто же вы? – спросил он, предполагая неизбежный ответ.

– Я – путник.

Это было записано в истории болезни.

– Иными словами: путешественник?

– Оставьте ваши глупости...

Доктор слушал внимательно, не перебивал. Под конец убедился: случай не только редкий, но чрезвычайно интересный. С таким изысканным помешательством сталкиваться не при-

ходило. Он решил лично вести больного. Какая интереснейшая находка, какая занятная вещица, пожалуй, будет полезна для диссертации.

14

К вещам Ванзаров относился с равнодушием. В его съемной квартире было только самое необходимое, то есть книги. Прочее он считал излишним, чем печалил матушку. Она знала: не родилась еще женщина, которая согласится жить в домашней пустыне ради любви. А если жена обставит их квартиру, как полагается, растратив приданое, Ванзаров плечами пожмет и будет пользоваться одной чашкой и ложкой. Конечно, стул, стол, рукомойник, какая-то посуда и даже старенький самовар в хозяйстве чиновника сыска имелись. Но если бы они исчезли, Ванзаров, пожалуй, и не заметил бы.

Зато в антикварном магазине прилавки и шкаф были забиты тем, что многие века изобрели для улаживания прихотей, наслаждения вкусом и неги комфорта. Вещи фарфоровые, бронзовые, медные, мраморные, золотые, серебряные толкались друг с дружкой. Среди изобилия предметов глядели римские головы и тикали часы, которые показывали разное время. Голова лоса взирала с безразличием, подпирая рогами потолок. Картины в затейливых рамах свисали со стен углом, будто хотели спрыгнуть. Все держалось в порядке, известном хозяину, но для постороннего напомиравшем свалку.

Нечто похожее по размаху хлама находилось в кабинете Лебедева. Великий криминалист имел привычку хранить любую мелочь, которая доставалась ему после очередного дела. Аполлон Григорьевич назвал свою коллекцию фундаментом будущего музея криминалистики. Но Ванзаров подозревал, что друг страдает болезнью Плюшкина: накопительством ненужных вещей. Только не может в этом сознаться. А диагноз ему поставить некому. Таких смельчаков нет.

– Долго будем торчать на пороге? – спросил Лебедев, не торопясь войти. Будто издалека любовался тем, что находилось посреди зала. – От хозяина приглашения не дождемся.

Ванзаров обернулся к приставу Хомейко.

– По магазину ваши люди прошлись?

– Никак нет... Городовой у дверей стоял, я прибыл незадолго до вас, счел за лучшее оставаться у входа.

– Благодарю. Тогда не будем терять время, – сказал Ванзаров, сделал короткий шаг, оглядел каменный пол и двинулся дальше. Однако Лебедев не шелхнулся, будто уступил свое право чиновнику сыска осматривать место преступления первым. Что было необычно.

В торговом зале оставалось не так много свободного места. Теснота считалась частью антикварной торговли. Ванзарову хватило трех шагов, чтобы оказаться рядом с тем, что привлекало внимание. Видеть такое ему не приходилось.

Около прилавка стоял старинный резной стул с подлокотниками, мореного дуба, сколоченный во времена средневекового английского короля. Напротив него находилась консоль с гнутыми ножками во вкусе кого-то из французских Людовиков. Быть может, того, которому отрубили голову и его супруге заодно. На стуле восседал хозяин магазина. Из одежды на нем были турецкие тапки с загнутыми носками. Цветастая шелковая кучка у ножки стула говорила, что купец скинул халат, прежде чем уселся. Тело мужчины было еще крепким, хоть животик округлился. Кожа имела белесый оттенок, казалась мраморной. Он сидел излишне прямо, прижавшись спиной к спинке стула и запрокинув голову. В шею впиалась петля, которая спускалась плетеным шнуром за спинкой, проходила под сиденьем стула и появлялась спереди. Шнур был обмотан вокруг кисти правой руки, кончик виднелся из кулака. Голый купец смотрел в пустоту чугунной рамы, упирившейся на лапы сказочного дракона. То, что содержала рама, блестело

осколками на полу. Перед рамой находилась пара фунтовых свечей: одна догоревшая до огарка, другая почти не тронута.

– Аполлон Григорьевич, не стесняйтесь.

Криминалист неторопливо оторвал плечо от дверного косяка и сделал два шага. При этом обошел место, где на полу виднелись смазанные следы, даже не изволив наклониться. Ванзаров не припомнил случая, чтобы Лебедев всем видом выражал нежелание исполнять свои обязанности. Нельзя допустить, чтобы предвкушение празднования заглушило его несгибаемое чувство долга.

– Вас что-то смущает? – тихо спросил Ванзаров.

Лебедев изобразил гримаску.

– Смерть не может меня смутить, – ответил он, будто был с ней приятелем.

– В чем причина ваших сомнений?

Прежде чем ответить, Аполлон Григорьевич выудил сигариллю из кармашка и воткнул в зубы. К счастью, не закурил.

– Как по мне, так это дело дурно пахнет уже издалека...

– Не ощущаю подобного запаха.

– Это потому, что вы загорелись охотничьим азартом.

– Совершенно спокоен.

– Не отпирайтесь, друг мой. Подлецу Шереметьевскому можете голову дурить, а я вас изучил как лабораторную мышь. От меня не скроешься, вижу, как довольны: вот оно, случилось то, чего ждали два месяца. Не так ли?

Ванзаров глянул на дверной проем, в котором виднелся пристав Хомейко.

– Нет, не так, – ответил он.

Мало кто мог позволить с Лебедевым такую дерзость. Вернее сказать: такой храбрец еще не родился. Великий криминалист пока излучал дружелюбие.

– Натворить такое человек может, задушив себе голову отравой или под гипнозом, – Лебедев величественно оглянулся. – Пустых бутылок или принадлежностей для курения опия не вижу. Что же остается? Что нам говорит лживая психологика?

– Аполлон Григорьевич, это не смерть сомнамбулы.

– То есть, полагаете, купца не подвергли гипнозу, чтобы он покончил с собой?

– Нет.

В лице криминалиста мелькнуло раздражение.

– Но почему?

– Сомнамбулу можно загипнотизировать на простое действие.

– Что здесь сложного? – с вызовом спросил Лебедев.

– Морозов переставил мебель в середину торгового зала, установил тяжелое зеркало, разделся догола, закинул за спинку стула шнур, накинул петлю себе на шею, накрутил конец шнура на руку...

Лебедев ждал. Продолжения не последовало.

– Горю от нетерпения: что же дальше?

– Дальше черед криминалистики, – ответил Ванзаров смиренно.

Разжался мощный рык, от которого пристав вздрогнул.

– Не вздумайте уваливать, друг мой.

– Не имею такой привычки.

– Объяснитесь.

– Как прикажете... Вначале простой вопрос: Морозов задушен?

Нагнувшись со своего гвардейского роста, Аполлон Григорьевич рассмотрел шею, заглянул в широко раскрытые глаза и в раззявленный рот торговца.

– Явные признаки удушения, – ответил он. – Окончательно скажу после вскрытия, но пока никаких сомнений.

– Когда он умер?

Поленившись вытаскивать градусник из саквояжа, Лебедев снял перчатку и коснулся мертвой груди. Прикинув нехитрый расчет, заявил, что где-то между двумя и тремя часами ночи, может, чуть раньше, в магазине очень холодно.

– Намного раньше: между одиннадцатью часами и полночью, – сказал Ванзаров и приготовился к буре.

Криминалист нахмурился, заложив саквояж за спину. Будто готовясь к драке.

– Учить меня вздумали?

– Вывод логики.

– Да неужели?

– Две фунтовые свечи, – Ванзаров жестом заставил Лебедева повернуть голову. – Одна догорела, другая почти не тронута.

– Что с того?

– Потухла свеча с правой стороны зеркальной рамы. Почему? Простой ответ: огонек задул поток воздуха, когда захлопывалась дверь. Просто потому, что эта свеча ближе к двери. А левая – чуть дальше, прикрывается ею и отчасти бронзовой рамой. Огонек удержался. Такая свеча горит примерно двенадцать часов. Сравнив разницу между целой и потухшей, получаем нужное время смерти Морозова.

Ванзаров выражал такую невинность, что Аполлон Григорьевич насторожился.

– Хотите сказать, дверь захлопнул убийца?

– Чтобы проверить этот вывод, позвольте вопрос: Морозов мог задушить себя сам?

Упорство чиновника полиции подействовало. Лебедев колебался.

– Видал я, как человек повесился на спинке кровати, стоя на коленях, – ответил он. – Задушить себя проще, чем жить...

– В любом случае, вес тела должен давить на горло тем или иным способом.

– Разумеется.

– В нашем случае Морозов сидит, на шею действует сила только одной руки, как подъемный рычаг, который натягивает веревку из-под стула. Вы говорили, что тело борется за жизнь до последнего. Разве мышцы руки не должны инстинктивно ослабеть, когда была передавлена трахея? Разве рычаг не должен был упасть?

Лебедеву очень хотелось возразить, но не нашлось подходящих слов.

– Жулик, – сказал он добродушно. – Считаете, купцу помогли задохнуться?

– Нетрудно проверить, – ответил Ванзаров.

– Ну, вынимайте вашу логику, – согласился Аполлон Григорьевич. «Шулерские фокусы», как он называл майевтику Ванзарова, доставляли ему особое удовольствие. Приятно, когда разум торжествует. Редкий случай в быстротекущей жизни.

– На полу осколки зеркала.

– Разбито вдребезги.

– Морозов мог до него дотянуться?

Прикинув на глаз расстояние, Лебедев ответил:

– Только ногой толкнуть этажерку.

– В этом случае зеркало упало бы целиком. Но рама на месте. Что это значит?

– Что? – спросил криминалист, предчувствуя наслаждение.

– Стекло было разбито прямым ударом, – последовал ответ. – Встать или дотянуться Морозов не мог. Да и зачем сидеть перед пустой рамой? Это бессмысленно. Прежде чем задохнуться, Морозов смотрел в целое зеркало. Тот, кто был с ним, разбил стекло и ушел. А перед этим помог торговцу задохнуться.

Лебедев был доволен. Только виду не показывал.

– Чтобы мертвец не смотрелся в зеркало? Суеверие?

Отвечать Ванзарову не хотелось. Чтобы не испортить победу признанием, что логика не все может.

– Важно иное: тот, кто был здесь, не дал руке, сжимавшей петлю, отпустить.

– Это значит...

– Вы правы, Аполлон Григорьевич, – поторопился Ванзаров. – Морозов не собирался умирать. Ему помогли. Вот какой вывод вы помогли найти. Остается теперь убедить в этом пристава...

Пока Лебедев наслаждался собственной значимостью, Ванзаров поспешил спросить:

– Позвольте узнать: почему сказали, что дело это дурно пахнет?

В ответ ему грозно помахали сигарилей.

– Не увиливайте, друг мой! Не заметили главного, так и признайтесь: логика зашла в тупик. Наконец уже...

Ванзаров предпочел не заступаться за логику. Она сама себя защитит.

– И все же, почему?

Ответил Лебедев не сразу.

– Ладно, так и быть, вам скажу... Пристав такое в протоколе не оставит... Знаете, я всякого навидался... Любых мерзостей, какие может выдумать извращенный мозг человека... Картина, в общем, знакомая... Почтенный купец, пожилой человек, ему наверняка за пятьдесят, ночью раздевается донага, садится перед зеркалом, накидывает петлю на шею... К нему приходит некто... Что это такое?

– Договаривайте, Аполлон Григорьевич...

– Вы человек не женатый, а потому не знаете: есть любители придушить себя во время плотского сношения. Для усиления чувств... Особенно когда с возрастом половая сила слабеет. У господина купца, сами видите, что произошло... Теперь заметили?

Заметил Ванзаров давно. Ждал, когда Лебедев сам укажет.

– Насколько помню, при повешении это происходит по причине оттока крови...

– А также прочие физиологические проявления.

– Тогда это может быть естественным следствием...

Лебедев решительно мотнул головой.

– Не сомневайтесь, друг мой, торговец антиквариатом пытался достичь высот наслаждения. Там его и поймали...

– Благодарю, – согласился Ванзаров, чтобы окончательно не расстроить друга. – Кстати, что скажете про оружие убийства?

– Обычный шелковый шнур... Купец в своих запасах раскопал.

– Шнур не Морозова, – поторопился Ванзаров. И пожалел. Но было поздно. Лебедев нахмурился.

– Как же смогли узнать?

– Из шнура торчат ниточки.

– Что такого? – Аполлон Григорьевич сегодня явно был не в настроении.

– Простой ответ: шнур оторвали от шторы, к которой он был пришит. Нельзя предположить, что Морозов тщательно подготовился, а самое главное забыл. И пришлось ему портить свои гардины... Да их нет в магазине...

Как ни странно, Аполлон Григорьевич согласно кивнул.

– Я же говорю: тут была женщина. Шнур с гардины – вот окончательное доказательство: его убила женщина, – проговорил он, словно любуясь.

– Невозможно, – ответил Ванзаров.

– Что именно?

– Чтобы женщина испортила свои шторы, оторвав шнур.

Ванзаров чуть не добавил, что психологика это отвергает, вовремя сдержался. За что получил дружеское похлопывание по плечу. После такого обычный человек не устоял бы на ногах.

– Вы мало знаете женщин, друг мой... Они не такое могут, – Аполлон Григорьевич величественно взмахнул сигарильей, пресекая дальнейшие споры. – Мой вам совет: держите свои мысли при себе. Пусть пристав в этой мерзости копается. А мы – к Палкину. Извозчик заждался...

– Извозчик давно уехал, – сказал Ванзаров, думая о другом. – Вас не затруднит разжать левый кулак Морозова? Там что-то находится, не могу разобрать, что.

Ледяные пальцы Лебедев разомкнул с усилием. И вынул дощечку со шнурком, закрепленным с двух концов и свободно свисающим в середине.

– Это что же такое? – спросил он, вертя находкой так, что шнурок крутился вокруг деревяшки.

Ванзаров рассмотрел вещицу. Антикварной ценности не представляет. На детскую игрушку не похожа. На примитивный музыкальный инструмент – тем более. Деревяшка и кусок веревки. Для чего она понадобилась Морозову, не было никакого предположения. И психологика молчала в задумчивости. Ванзаров опустил предмет в карман пальто.

– Прошу простить, но я вынужден остаться, – сказал он. – Иначе пристав спишет на самоубийство.

Лебедев швырнул сигарилью об пол.

– Ну что за человек! Праздник, а ему нейдет... Раз так, назло останусь с вами.

Возражать Ванзаров не стал, а призвал пристава. Хомейко ступал так бережно, будто опасался попасть в мышеловку.

– Кто обнаружил тело?

– Приказчик Лавандов. В десять пришел отпирать магазин, увидел, что замок открыт, подумал: воры забрались. Только заглянул, а тут такое, – Хомейко покосился на голого купца. – Побежал за городовым...

– Что можете сказать о погибшем?

Оказалось, Морозов личность известная в мире столичных антикваров. Однажды привез из Воронежа разобранную изразцовую голландскую печь, якобы сложенную для Петра Великого, за которую запросил баснословные двести тысяч рублей. Еще нашел письмо будто бы Марии Антуанетты, написанное незадолго до ее казни. Репутацию он имел человека удачливого и богатого, хотя как велико его состояние, доподлинно неизвестно. Одни слухи.

Выслушав доклад, Ванзаров попросил вызвать приказчика. Но прежде указал следы на полу: сапога со скошенным каблуком и полоску мусора, будто сметенную нарочно. Хомейко обещал внести в протокол. Он ушел и вернулся с продрогшим приказчиком, которого держал под надзором городского. Молодой человек приятной наружности в модном пальто натурально дрожал, на носу у него замерзла сосулька, глаза были красны, как от слез. Глянув на тело, он зажмурился и отвернулся. Мгновенный портрет рассказал о нем все до доньшка. Чтобы было несложно. Как несложен был сам приказчик.

– Вы нашли тело? – спросил Ванзаров.

– Так точно-с, – Лавандов вежливо шмыгнул носом.

– Ваш хозяин...

– Алексей Николаевич, – расторопно подсказал приказчик.

– Господин Морозов, – продолжил Ванзаров, – устраивал для себя пикантные развлечения?

Лавандов выразил изумление:

– Как можно-с!

– Приводил сюда бланкеток¹⁹ или любовниц?

Пристав подавился, а приказчик искренно покраснел. Или щеки зарделись с мороза.

– Алексей Николаевич – человек отменного поведения. Женатый и прочее... У него репутация-с! Достойнейший господин! А не то, чтобы подобными глупостями...

– Сколько лет его супруге?

– Господин Ванзаров, при чем тут это? – вмешался пристав. – Что за неприличные вопросы...

Лебедев усмехнулся наивности Хомейко: он-то знал, как поступал с приличиями чиновник сыска, когда занимался розыском. Ванзаров повторил вопрос. Лицо приказчика стало розовым, как заря. Поэтически выражаясь. Приносим свои извинения, но такой уж Лавандов...

– Простите, не понимаю-с...

– Простой вопрос, господин Лавандов: сколько лет его жене? Сколько они в браке?

Приказчик старательно закашлялся и взглядом взмолился о помощи. Пристав ничем не мог ему помочь.

– Мадам Морозова, – начал он выдавливать из себя. – Примерная супруга... Чрезвычайно милая дама...

– То есть Морозов женился на юной девице? – Ванзаров обернулся к Хомейко, передавая вопрос ему.

Теперь кашель напал на пристава.

– Первая супруга Алексея Николаевича два года назад скончалась, – наконец ответил он. – По завершении годовичного траура он женился на воспитанной юной особе... Примерного поведения... Известна только с лучшей стороны...

Глазами Ванзаров спросил: «Ну и зачем с молодой женой развлечения на стороне?» Аполлон Григорьевич чуть пожал плечами: дескать, кому и за сытным обедом добавку подавай...

– Кто наследует дело? – продолжил Ванзаров.

– Не могу знать, – ответил Хомейко.

– У него нет детей?

– Алексей Николаевич прогнал сына... Проматывал отцовские деньги... Не желал вступать в семейное дело... Не так давно случилось... Это всем известно, – добавил пристав, будто извиняясь.

– Где младший Морозов теперь?

– Не могу знать, – с обидой в голосе повторил Хомейко. – Вероятно, уехал из столицы. В проступках не замечен.

Он еле терпел манеру чиновника сыска допрашивать его как виновного. Что себе позволяет? Пристав чином выше и вообще старше годами... Как смеет наглец так себя вести? Надо будет подать жалобу его начальнику...

Обиды господина Хомейко Ванзарова не интересовали. Он вернулся к приказчику.

– Чем ваш хозяин занимался вчера вечером в магазине?

Лавандова передернуло от страха или холода, доподлинно неизвестно.

– Не имею представления... В девять я запер дверь.

– Перед закрытием вымыли пол?

– Как полагается, чтобы с утра было чисто...

– У господина Морозова были свои ключи?

– Ну разумеется!

– Где они?

¹⁹ Проститутки, у которых имелся бланк – паспорт медицинского осмотра.

Из кармана приказчик выудил связку трех ключей на большом кольце. Два явно были от квартиры.

– Откуда они у вас?

– С обратной стороны двери были-с, – ответил Лавандов. – Поначалу машинально вынул и тут увидел такое...

Молодой человек картинно закрыл лицо ладонями. Тонкость нервов Ванзарова не тронуло. Он указал на чугунную раму:

– Вам известна эта вещь?

Лавандов глянул, куда указали, и вдруг издал вопль.

– Какой ужас! Кошмар! О, какое бедствие!

Отчаяние было глубоким. Ванзаров спросил, в чем причина горя. Оказалось, что разбито не просто зеркало, а зеркало редчайшее: XV века, выпуклое венецианское со ртутным покрытием. Таких в России больше не сыскать, в Европе их считанные экземпляры. В ту эпоху умели делать слишком хрупкие выпуклые стекла. Довольно часто они лопались сами по себе. Прочих не пощадило время.

– Сколько стоило зеркало? – прервал стенания Ванзаров.

– Трудно представить! – Лавандов не мог утешиться. – В столице или в Москве могли дать двадцать тысяч. В Италии, может, пятьдесят, а если бы довести до Америки, так и все сто! Алексей Николаевич не думал продавать. Это жемчужина его коллекции!

Аполлон Григорьевич свистнул: стоимость зеркала впечатлила. Целое состояние.

Ванзаров хотел узнать другие подробности, но тут в дверях раздался шум. В магазин ворвалась барышня в новеньком полубухбе и изящной меховой шапочке, под которой виднелись светлые волосы. Городового она ударила муфтой, прикрикнув:

– Только посмей меня держать!

Барышня оглянулась и одарила таким взглядом, что Лебедев растаял. Этот взгляд, дерзкий и манящий, в котором порок смешался с невинностью, был ему знаком. Именно так гипнотизировали состоятельных мужчин его знакомые актриски. Перед этим взглядом купец Морозов был беззащитен, как мышонок.

– Кто вы такие? – строго спросила она, разглядывая троих и не замечая Лавандова, будто тот призрак. – Господин Хомейко? Что вы тут делаете?

Ванзаров заслонял собой тело.

– Позвольте вернуть вопрос вам, мадам, – сказал он, не давая приставу рта раскрыть. – С кем имею честь?

И получил тот самый взгляд. Ванзаров ему не поддался. Он был занят мгновенным портретом: барышня двадцати шести лет, не слишком образованна, скорее всего, сирота, воспитывалась у родственников, возможно, служила горничной в доме, обладает расчетливым умом и природной хитростью. Нужные качества, чтобы выйти замуж за богатого старика. А теперь стать богатой вдовой. Возможно, очень богатой.

– Полина Витальевна Морозова, – ответила она почти ласково, изучая Ванзарова. – Что происходит, господа?

– Как вы здесь оказались? – будто не услышав, спросил Ванзаров.

– Пришла из дома... А где Алексей Николаевич?

Щелкнув застежкой саквояжа, Лебедев приготовил пузырек с нашатырем: ожидался женский обморок.

– Почему ищите мужа здесь?

Мадам Морозова сморщила носик, что не портило заманчивую красоту.

– Алексей Николаевич не был на завтраке. Что мне оставалось? Почему городового и толпа у магазина? Вы тоже из полиции?

Вместо ответов Ванзаров шагнул в сторону. Заметив посиневшую статую мужа с петлей на шее, мадам Морозова не упала в обморок, не зарыдала, не стала рвать на себе шапочку. Шелковый платочек приложила к сухому носику.

– Какое несчастье, – сказала она. В голосе мелькнули игривые нотки.

Аполлон Григорьевич собрался утешить хорошенькую вдову, но Ванзаров вмешался:

– Прошу прощения, мадам Морозова, вчера вечером ваш муж сказал, куда идет?

Вдовушка теребила платочек.

– Алексей Николаевич сообщил, что у него встреча с важным клиентом.

– С кем именно?

– Не вникаю в дела мужа...

– Вас не удивило, что господин Морозов не вернулся ночью?

Что-то блеснуло в ее глазках, будто лис пробежал и хвостиком махнул.

– Не смею требовать отчета у мужа... Он мой благодетель. Мог отправиться куда угодно: в театр, в гости, поехать в ресторан... К тому же у нас разные спальни. Было скучно, я рано легла...

Глазки послали сигнал, который трудно спутать. Как вдруг она заметила то, чем был засыпан пол у консоли. Лицо ее изменилось, словно сдернули маску. Показался хищный зверек, который оскалил зубки.

– Лавандов, это что такое! – вскрикнула она, указав на осколки.

Приказчик почтительно склонил голову.

– Я, мадам... Я-с...

– Что ты? Как посмел? Ты что натворил? Тебе за что платят?

– Мадам... Я не... Тут... Совсем... Прошу-с... – лепетал бедный юноша, которого рвали на клочки, как зайца.

– Ты у меня заплатишь! До копейки отдашь! – сорвалась она на крик. И вдруг все кончилось. Так же внезапно, как началось. Вдовушка стыдливо потупилась, скромно улыбнулась, будто ища поддержки у мужчин.

– Прошу простить, господа... Этот болван не уберег зеркало, которым так дорожил мой муж, – она вновь промокнула платочком блестящие глазки.

Лебедев многозначительно хмыкнул и спрятал пузырек нашатыря.

– Вынужден просить вас, мадам Морозова, прибыть в сыск для дачи показаний. Спросите Ванзарова. Это я.

Хорошенькие губки сложились бантиком.

– Ну зачем же мне в полицию, – ласково ответила она. – Приходите лучше вы к нам... Хоть сегодня вечером... Обещаю отменный ужин, у нас чудесная кухарка... Скажем, в восемь вечера. Вас устроит, господин Ванзаров?

Мерзкий смешок, который Аполлон Григорьевич позволил себе, Ванзаров простил. Он хотел продолжить расспросы вдовы, но в магазине появился чиновник Шумейко, запыхавшийся и румяный. Прямо с порога доложил: Ванзарова требуют в Департамент полиции. Срочно. Про поручение Шереметьевского чиновник благоразумно умолчал. Только приставу кивнул благожелательно.

Секретный обмен взглядами Ванзаров не упустил. Ловкие господа друг друга отлично поняли: сляпают дело о самоубийстве в два счета. К взаимному удовольствию и выгоде.

Петербургский житель, ограниченный в средствах, отправляется за подарками в Гостиный двор или Апраксин двор. Не ограниченный направляется туда же. Купцы-гостиннодворцы и апраксинцы заманивают покупателя в свои магазины «дешевкой»: продавая товар с такой

уступкой, что кажется, торгуют себе в убыток. В чем клянутся, бия себя в грудь. Или в грудь приказчиков. Так ведь еще и поторговаться можно, выгадав рубль, а то и два. От такой удачи покупатель теряет голову, хватает что попало и выплывает из магазина с горой кульков и бумажных пакетов под поклоны и благодарности приказчиков. Дельцы знай себе потирают руки: выгода досталась немалая. О том, что жуликоватые купцы, скидывая цену, все равно торгуют в разы дороже, известно каждому жителю столицы. В газетных фельетонах сколько раз про их хитрость пропечатывали. Знать-то все знают, ругают торговцев, но что поделать, если сердечный подарок непременно надо купить в Гостином или Апраксином. Иначе это не дар, а так, пустячок.

А вот в Никольские ряды, что вытянулись каменной галереей вдоль Садовой улицы напротив Никольского собора, за подарками не ходят. Тут продается товар практического свойства: продукты, бакалея, мясное, посуда, мука. Ткани самого простого вида, обувь и готовая одежда, чтоб было тепло и удобно. В общем, не для господ, а для трудящегося люда. В лавках, что занимают торговые места в главной линии, торгуют без запроса, три шкуры не дерут. Бывает, скинут знакомому покупателю копейчку, и то из уважения. Торговаться тут не принято. Да и покупки невелики. Но если в кармане пусто, одежда изнасилась, а есть хочется, тут уж одна дорога: Никольский рынок, что расположился во дворе Никольских рядов, закрытый с четырех сторон корпусами, будто крепостью.

Сюда доброму человеку лучше не заходить. Как попал, обратно не вернешься. Отдашь ростовщику рваное пальтишко за двадцать копеек. За копейку получишь кусок хлеба, испеченный из пыли, что выбивают из мучных мешков, и миску мясной бурды, сваренной из трябухи, костей, копыт, коровьих шкур и такого, о чем лучше не знать. За три копейки нальют стакан самогонки. Набьешь пузо и полезешь отсыпаться в ночлежные подвалы среди таких же голодранцев. За фасадом Никольских рядов скрывалось чрево столицы: царство воров, нищих, беглых и каторжных. Человек мог сгинуть здесь, будто нырнул в прорубь. Тайны Никольского оставались тут навсегда погребенные. Полиция лишний раз сюда не совалась.

Около полудня к Никольским рядам подошла девушка в овчинном полушубке и простой юбке. Голова и шея были замотаны скромным платком, как это принято у народа. На локте у нее весел увесистый узел, смотанный из серого одеяла. Наверняка кухарка или горничная: с места выгнали, деньги кончились, принесла заложить последние вещички. Она подошла к торговке сбитнем, что сидела у арки, за которой виднелась толкотня рынка, поклонилась и сказала:

– Прощения просим, матушка, не подсобите в беде моей?

Лицо девушки было милым и скромным, обращение самое вежливое, так что горластая баба благосклонно пробурчала:

– Милостыни не проси, не дам, самой есть нечего.

– Что вы, матушка, мне бы разузнать надобно...

– Чего тебе, краля? – ответила торговка, выпустив облачко пара.

С вежливым обхождением девица пояснила: среди прислуги пошел слух, что в Никольском появился чудо-лекарь, который исцеляет всякую хворь и денег не берет. У нее надобность, а денег на докторов нет. Нельзя ли узнать, как его сыскать. Просьбе торговка не отказала: пояснила, где найти чудесного целителя. И даже рукой махнула, в какую сторону идти. Девушка поклонилась, прошла через арку и повернула в другую сторону, чем было сказано. Побродив среди торговцев мелочным товаром, она выбрала мужика с лотком валенок. Снова рассказав печальную историю, спросила: где найти чудодейственного знахаря. Сжалившись над бедняжкой, торговец указал, куда отправиться, пояснил, как к нему попасть.

Поклонившись и ему, девица исчезла в толпе. Побродив, она заметила торговца, который черпал из большого мешка семечки в газетный кулек, подошла и опять поделилась своей бедой. И хоть торговец посматривал так, будто желал познакомиться поближе, просьбе не отка-

зал. Пояснил, как найти врачевателя, чтобы к нему допустили, потыкал пальцем, куда идти, а под конец отсыпал в карман горстку семечек. Еще вслед ей смотрел, пока она не исчезла в толчее.

В дальнем углу рынка имелась широкая дверь, на которой была намалевана надпись ободранной краской: «Старые вещи Семина». К ней девица и направилась. Приподняв юбку, она саданула носком ботиночка в жестяную обивку. Затем повторила дважды. Дверь издавала ржавый грохот, пока не распахнулась со скрипом. На пороге стоял мужик в холщовой рубаше и штанах, заправленных в мятые сапоги. Вид имел столь приятный, что приличная барышня упала бы в обморок. Он окинул взглядом дерзкую, посмевавшуюся поднять шум.

– Че те надо?

– К Обуху проводи, – ответила она без страха, будто приказывала.

Такое обращение мужика повеселило, он смачно плюнул ей под ноги.

– Ты кто такая будешь?

– Тебе знать не положено. Проводи к Обуху...

Терпеть наглость какой-то мелкой шавки с узлом мужик не собирался. Оттолкнув дверь, сделал шаг, чтобы как следует проучить оплеухой. Но тут и замер. В лицо ему целился вороненый ствол. Крохотный пистолет будто вырос в руке девицы. По виду казался игрушкой, но кто его знает.

– Ты что, шалая, жить надоело? Ты кому грозить посмела? Знаешь?

– Знаю, – ответила она, не спуская прицела. – Дернешься – получишь пулю. Лучше делай, что сказала. Здравее будешь.

Мужик колебался. В голове его не складывалось: какая-то сопля худосочная грозит пукалкой. По виду шалая, не пойми, что ожидать. Все-таки гордость воровская не могла позволить взять верх женщине. Он вскинул лапищи, чтобы заграбастать девицу. Но схватился за плечо, завыл и упал на колени, будто прося прощения.

– Следующая в лоб, – сказала она, вскинув руку так, чтобы исполнить угрозу.

Больше уговоров не потребовалось. Поднявшись и придерживая раненое плечо, отчего скособочился, мужик поплелся в проем двери. Девица следовала за ним, опустив руку с крохотным браунингом.

В лавке было темно, пахло грязным тряпьем. Меж гор тряпья и старых вещей остался узкий проход, в конце которого виднелась некрашенная дверь. Мужик подошел и постучал особым образом. Приглушенный голос разрешил войти. Девица оттолкнула его и сама распахнула дверь. За ней оказалось конторское помещение, только без окон. За письменным столиком, занимавшим половину свободного места, сидел невысокий старичок благообразного вида в стареньком пиджачке и поддевке. Девицу, которая возвышалась над ним, встретил с полным спокойствием, будто привык, что к нему заходят гости с браунингом.

– Кто такая будешь? – спросил он, разглядывая узел и чернявые локоны, выбившиеся из-под платка.

Незваная гостья захлопнула дверь, сбросила узел, наклонилась к уху старичка и прошептала. Подвинула табурет и села без приглашения. Услышав, кем прислана девица, старичок виду не подал, только чуть сгорбился. Будто признавая, что теперь она главная.

– Как звать-величать вас, чернавка милая? – спросил он, косясь на браунинг, который лежал у нее на коленке. Палец в опасной близости от курка.

– Сара Бернар, – ответила она с наглой искоркой в глазах.

– Вот как... Значит, Сара... Еврейка, что ли?

– Разве не заметно? – Она приподняла лицо тонкой славянской красоты, заматанное платком.

– Да я уж понял, – согласился старичок, догадавшись, что девица непростая. – С чем пожаловали?

– Пояснения с вас требуются, уважаемый Обух.

– Пояснения? С меня? И какие же?

Подобный разговор, да еще в его конторе, был немислим. Только страшное имя, произнесенное на ухо, удерживало от быстрой расправы.

Несмотря на безобидный облик старичка, обитатели Никольского рынка трепетали перед ним. По полицейской картотеке Семен Пантелеевич Обухов проходил под кличкой Сенька Обух. Он был известен как воровской старшина, который держал под собой всех воров Казанской части столицы и весь промысел нищих. Калеки, убогие, уродцы, инвалиды и прочие несчастные, включая детей, что просили милостыню у церквей и питейных заведений, были наемными работниками, приносившими прибыль Обуху. Невидимая фабрика работала без забастовок и выходных. Нищих гоняли городовые, но копеечки милостыни сливались в рубли, рубли в тысячи. Никто не знал, насколько богат Обух, но слушались беспрекословно. За непослушание или сокрытие денег Обух карал быстро: провинившиеся догнали под полом лавки и всплывали в каналах.

– Вам был передан человек под ваш присмотр, – сказала девушка, отлично зная, кто перед ней, смело глядя ему в глаза.

– Истинно так.

– Вам было заплачено за хлопоты.

Обух промолчал, незаметным движением головы согласился.

– Был уговор: о нем никто не должен узнать, – продолжила она.

– Наше слово крепче купеческого, милая...

– Неужели? – Она подняла руку и приложила браунинг к платку. – А прислуга шепчется, что в Никольском появился чудо-доктор, который лечит бесплатно от всех болезней. Трое торговцев на рынке указали мне, где найти чудесного Корпия, как его окрестила воровская братия. Это так держите слово?

– Укажите тех, кто болтал, мы языки-то укоротим.

– Всему рынку языки отрежете? Всем вашим людям в Казанской части?

Отвечать было нечего. Обух понял, что попал в трудную ситуацию, которая может дорого обойтись. Подвела его гордость. В его налаженном хозяйстве не хватало только одного: знаменитости. Вот, к примеру, в Пономаревском ночлежном приюте, что на 7-й Роте²⁰, имеется чудесный писарь, бывший письмоводитель. Умеет писать такие жалобные прошения, с которыми просители получают щедрые подаяния «ввиду своего бедственного положения». Ничего такого выдающегося у Обуха не было. Когда взял на сохранение человечка, не знал, какое сокровище получил. С виду мужчина не от мира сего: на вопросы не отвечал, сидел в углу и смотрел в потолок. Ел кое-как. В общем, убогий. Как-то раз один из воров вывихнул руку. Сидел и стонал. Тут блаженный подходит к нему, хватает и вправляет сустав. Одним движением. И опять к себе на кровать. Будто ничего и не было. Потом у другого заразу вылечил, рецепт записал для аптеки, не глядя на бумажку. Потом нарыв вырезал. Ну и пошло дело. Обух на блаженном зарабатывать не стал, слава важнее. Вскоре мир воровской узнал, что у Обуха есть чудесник по кличке Корпий. Приходи, лечись, мир воровской, у кого за душой ни копейки. Обух угощает...

– Не стоит беспокоиться, про него никто не знает. У него кличка. Я сам не знаю, кто он такой, – ответил Обух. Что еще тут скажешь.

Девушка с браунингом благосклонно кивнула.

– Ну, тогда все разъяснилось, – сказала она и улыбнулась так, что Обух вжался в спинку стула. – Не подумали, что слух о чудесном знахаре может дойти до ушей тех, кому знать не надо?

²⁰ Название улицы. В Измайловской части двенадцать улиц с номерами рот Измайловского полка от 1-й до 12-й.

– Мир воровской его не тронет.

– А если не ваши?

– Кто же тогда? – усомнился Обух.

– Например, полиция...

На это воровской старшина позволил себе ухмылку.

– Уж с ними мы договоримся.

– Вам ничего не говорит фамилия Ванзаров?

Судя по бегающим глазам, фамилия эта говорила Обуху многое.

– Если он вдруг пронюхает и заинтересуется? – продолжила она. – Если придет узнать, кто такой Корпий? Что будете делать?

Как справиться с таким несчастьем, Обух не знал. Потому что знал Ванзарова не понаслышке.

– За доставленную неприятность готов вернуть плату... в тройном размере, – только смог придумать он.

Девушка усмехнулась с брезгливым превосходством.

– Не все решают деньги... Корпий должен исчезнуть.

Это значит понимать так, что придется пачкать руки в крови невинного, который столько добра сделал? Нет уж, не по-людски это. Воры свое понимание имеют... Возражать Обух не стал, но придумал, как выкрутиться: Корпия вывезет из столицы, припрятает в деревне. А если потребуется, найдет, кому вместо него умереть.

– Как прикажете...

– Вы не поняли, господин Обух. Мы забираем Корпия. Сводите его в Усачевские бани, оденьте в новую одежду, – девушка кивнула на тряпичный узел. – Сегодня ближе к вечеру заберу.

– Сделаем, не сомневайтесь.

– Слух пустите: исчез, куда делся, неизвестно.

– Это можно...

Она встала, браунинг придерживала у юбки.

– Утром господин растрепанного вида посылку вам оставлял?

– Не было такого, – твердо ответил Обух.

– Верю, – сказала она, помахав браунингом. – Не прощаюсь. Скоро свидимся.

Дверь захлопнулась. Из лавки слышалось, как постанывает раненый.

Обух задумался, что теперь делать: не исполнить приказ нельзя. И с Корпием расставаться жаль. Может, собрать ребяток да порешить дерзкую девушку? Нет, это не выход. Только хуже будет. Поразмышляв, Обух понял, что в этот раз попался накрепко. Держат его крепче тюремных замков. Не сбежать, не выбраться.

16

Пристав Хомейко так обрадовался, что Ванзаров освободит от своего присутствия, что предоставил полицейскую пролетку. Лебедеву тоже срочно понадобилось вернуться к себе. Кабинет и лаборатория его находились в Департаменте полиции. Аполлон Григорьевич втиснулся между Ванзаровым и свободным местом, устроил саквояж на коленях и приказал полицейскому, сидевшему вместо кучера, трогать. Пролетка неторопливо покатила по набережной реки Фонтанки, миновала здание Министерства внутренних дел, которому Лебедев отдал салют, и свернула по Чернышеву мосту на другой берег. До департамента было недалеко.

Ванзаров молчал, глядя в черную шинель сидевшего на козлах. Аполлон Григорьевич мучился желанием поболтать, но друг его, как нарочно, воды в рот набрал.

– Откуда знали, что извозчик сбежит? – наконец не выдержал он. – Первый случай в мировой истории, когда ванька отказался от денег. Чую очередное жульничество. Наверняка подговорили, друг мой?

– Страх сильнее жадности, – ответил Ванзаров, не повернув головы.

Лебедев не понял, к чему эта мудрая мысль, но признаться не захотел.

– Можно считать дело решенным, – сказал он, подпихнув Ванзарова плечом.

Чиновник сыска не дрогнул и покачивался вместе с пролеткой.

– Вы полагаете?

– Друг мой, вы наверняка уже догадались. Преступники очевидны.

– Вы полагаете? – повторил Ванзаров.

– Это вы полагаете, – с некоторой досадой вернул Лебедев. Когда Ванзаров впадал в состояние сонной апатии, это означало, что он бродит по тропинкам мысленных дебрей. Проникнуть в них или понять, о чем он думает, не было никакой возможности. Что сильно раздражало криминалиста. – Не смейте сказать, что не знаете подозреваемого.

– Как прикажете, – согласился Ванзаров и покорностью раззадорил окончательно.

– Конечно, знаете! Как там ваши простые вопросы: кто самый верный подозреваемый? Кто еще, как не вдовушка с глазками похотливой кошки. Устала от старика, заманила его в ловушку и разделалась.

– Простой вопрос: это она пришла в магазин ночью?

– Конечно, она!

– Она придержала руку Морозова, чтобы тот задохнулся?

– Женской силы хватит, – заявил Лебедев так, что сомневаться было грех. – Ловко придумала, шельма: предложила мужу пикантное развлечение не дома, а в лавке. Для повышения градуса. Дескать, давай, милый муженек, украсим скучную жизнь яркими эмоциями. Ты иди первым, приготовь все для утех, я позже подойду. Вам в новинку, но я с такими шалунами встречался...

– Она разбила зеркало, но, обнаружив осколки, чуть не загрызла приказчика?

– Обман и притворство. Все врет, шалунья... Врет про зеркало, изображая невинность... Врет, что легла спать. Она была в магазине. Для нее Морозов оказался в неглиже...

– Несомненно, врет, – ответил Ванзаров.

– Ну вот! – обрадовался Аполлон Григорьевич.

– Врет и скрывает что-то иное.

– Это почему же?

– След, который остался на полу от сапога, кажется, флотского. Полоска мусора сметена полой длинной шинели до пят, вероятно, старого покроя. Полагаете, мадам Морозова для тайных утех переделалась в сапоги и шинель?

Лебедев набрал в легкие воздух, чтобы ответить мощно и окончательно, но пришлось выдохнуть. Аргументов что-то не нашлось.

– Убийца очевиден: сынок, которого Морозов выгнал, вернулся и покончил с ним, – с жаром заявил он. – А всего вернее: сынок сговорился с молодой вдовушкой убить отца и жениться на ней! Наверняка оба пылали страстью. Заманили похотливого старика и прикончили...

Ванзаров обернулся к другу, который разошелся не на шутку.

– Любовь к театру до добра не доводит.

Фыркнув, Лебедев всем видом показал, что обижен до глубины души. Обижались даже кончики его усов. Странно другое: прежде он не позволял себе высказывать версии расследования. Держался исключительно фактов криминалистики. Что же случилось?

– Аполлон Григорьевич, что вы пытаетесь мне сказать?

Вопрос был задан тоном, будто покорный ученик отвесил поклон учителю. Лебедев забыл про обиды.

– Дайте вы этим негодяям завернуть дело на самоубийство. Не лезьте в него, поверьте моему опыту: дурно пахнет... Забудьте и отпустите...

Ванзаров молча смотрел в черную шинель возницы. Подождав, Лебедев убедился, что упрямство чиновника сыска не исправить, не сломить. И ничего не поделаеть.

– Ну и зачем вас директор департамента призвал? – с досады спросил он.

– Поверите, если скажу, что не имею ни малейшего представления.

– Может, сообщат о назначении начальником сыска?

– Невозможно.

– Отчего же... Давно заслужили... Не все же дуракам начальством быть.

– Шереметьевский знал, что меня вызовут к Зволянскому, старательно нахваливал директора департамента. У меня ни единого предположения.

Лебедев только рукой махнул.

Пролетка подъехала к парадным дверям Департамента, над которыми возвышался кованный козырек, а перед ними мерз пожилой швейцар. Аполлон Григорьевич соскочил и вошел первым, будто не желал больше иметь с Ванзаровым ничего общего. Об этом сообщала его могучая спина.

Поднявшись на второй этаж, Ванзаров вошел в приемную директора. Секретарь Войтов поднялся из-за стола, вежливо поклонился. Такое почтение предназначалось далеко не каждому посетителю. Чиновнику сыска было сказано, что его ожидают. Ванзаров не дал себя уговаривать, толкнул тяжелую дверь кабинета и вошел.

Директор Зволянский был занят важнейшим государственным делом: разглядывал в окно заснеженную набережную с Инженерным замком. Обернулся на шум. В первое мгновение, когда он увидел Ванзарова, на лице его мелькнула тень брезгливости, какую испытывает благородный человек перед чем-то мерзким, с зажившими шрамами и плохо отросшим ежиком волос. Про усы и говорить нечего. Однако в следующий миг Сергей Эрастович вполне овладел собой, изобразил дежурное радушие, сообщил, как рад видеть, и предложил садиться за стол совещаний, который составлял с рабочим столом директора букву «Т».

Сев напротив господина со шрамами, Зволянский не знал, как начать разговор. Осведомился: получили ли чиновники сыска на «гуся», как настроение и о прочей ерунде. Ванзаров отвечал кратко, как положено почтительному чиновнику. То есть ничем не помог Сергею Эрастовичу выпутаться из затруднения. Наконец не осталось тем, чтобы тянуть время.

– Господин Ванзаров, прошу ответить откровенно, – взялся он сразу, будто перескочил через пропасть. – Вы уверены, что тот... тот самый... ну вы меня понимаете... тот прибор... погиб окончательно?

По какой-то причине Зволянский не хотел произносить вслух «машина страха» и тем более *machina terroris*.

– Никаких сомнений, господин директор, – ответил почтительный чиновник, про себя думая, что из-за такой ерунды его бы не стали вызывать на личную аудиенцию.

– Ошибки быть не может?

– Никак нет.

– Уверены?

– Могу ручаться, аппарат уничтожен, – ответил Ванзаров настолько честно, насколько его спросили.

Зволянский изобразил барабанную дробь пальцами по столу.

– Что ж, тем лучше, – сказал он. – В таком случае для вас будет новое поручение. Прошу учесть: строго конфиденциальное. Ни ваш начальник, ни кто другой не должен знать, в чем оно состоит на самом деле. Вам ясно?

- Так точно, – ответил Ванзаров завзятым служакой. Разве каблуками не шелкнул.
- Перейдем к сути вопроса...

И Сергей Эрастович изложил все, что вчера узнал от вышестоящего лица.

Слушая со всем почтением, какое мог изобразить, Ванзаров подумал, что интерес в высших кругах империи к шарлатанству растет быстрее, чем строительство крейсеров. Ничем другим объяснить поручение от самого директора Департамента полиции невозможно: изучить аппарат телепатического угадывания мыслей. Уж лучше бы там фокусами интересовались или индийских факиров приглашали. От них больше пользы.

Закончив рассказ, который нравился ему как стухшая селедка, Зволянский не заметил в лице чиновника сыска ни удивления, ни интереса. Будто каменная стена с зажившими ранами. Чего доброго, откажется. Что тогда делать?

- Что-то смущает, господин Ванзаров? – строгий начальственный тон был нужен.

Искренно ответить нельзя. Просто невозможно. Совсем не из страха подать в отставку. Ванзаров старался не показать Зволянскому, как глупо выглядит секретное поручение. А еще полиция, хребет империи называется. Чем должны заниматься? В какие игры играть?

– Никак нет, господин директор, – ответил он, немного затянув паузу. – Еще один чудесный аппарат и изобретатель.

Сергей Эрастович развел руками, показывая, что и он бессилен.

- Как видите... Могу рассчитывать, что подойдете к делу добросовестно?

– Так точно, – последовал ответ, который снял груз с души Зволянского. – Позвольте уточнения?

- Конечно, конечно...

- Изобретателя с аппаратом допускать к настоящим делам?

- Ни в коем случае! – Зволянский рубанул воздух ладонью.

- Как же его проверить?

– Ну, придумайте что-нибудь, господин Ванзаров... Вы сможете, я не сомневаюсь. Главное убедиться: обман или в самом деле приносит пользу.

- Необходима помощь господина Лебедева.

Взвесив на мысленных весах, насколько просьба выходит за границы, которые ему обозначили, Зволянский счел, что не слишком. И милостиво дал согласие.

Такой новостью грех было не поделиться.

Войдя в кабинет-лабораторию, Ванзаров нашел великого криминалиста в глубокой тоске. Лебедев сидел за лабораторным столом, подперев щеку рукой, при этом поглаживая по темечку чей-то череп. Он походил на Гамлета, который поднял из раскопанной могилы череп шута Йорика. Нельзя не умилиться. Ванзаров сдержался.

- Что ужасного, мерзкого или кошмарного принесли от Зволянского?

- Исключительно хорошие новости.

– С вами так не бывает... Хотел приятно провести время с другом у Палкина. И что в итоге?

– В качестве извинения приготовил сюрприз, – сказал Ванзаров, присаживаясь рядом на лабораторный табурет.

- Вам меня не испугать. Даже не пытайтесь.

– Не имел такой цели, – ответил Ванзаров и пересказал секретное поручение с тайными полномочиями, которые ему предоставил директор Зволянский.

Выслушав, Лебедев открыл дверцу внизу лабораторного стола, извлек бутылку с кристалльно чистой субстанцией и разлил по мензуркам. Волшебный напиток его изобретения под названием «Слеза жандарма», состав которого хранился в тайне, был необходим в эту трудную минуту. Напиток следовало употреблять одним махом и без закуски. Мало кто не падал

с ног, сраженный глотком. Зато вставал обновленным и счастливым. Только сильные, исключительные натуры могли пить «Слезу» как водицу.

– Победили машину страха, и это чудо одолеем, – сказал Лебедев, занюхивая сигарильей.

– Правильный настрой, – согласился Ванзаров. – Вас не затруднит узнать все, что возможно, об изобретателе чудесного аппарата, свалившегося на наши головы?

– Доктор Котт, говорите... Выясним, – Лебедев наметил разлить еще по мензурке, но Ванзаров решительно отказался.

– Знаете, на какой вопрос нет ответа? – сказал он, чтобы загладить обиду.

– Удивите меня. Вы на это мастер, – ответил Аполлон Григорьевич.

– В эксперименте Морозов использовал вещь, которую до сих пор берег.

Лебедев насторожился, как гончая.

– Венецианское зеркало?

– Разумеется. Если ему потребовалось зеркало, не важно для чего, мог взять любое.

Почему он выбрал самое дорогое, почти бесценное?

– У хваленой психологике нет ответа? – с тихим злорадством спросил криминалист.

– Никакого, – признался Ванзаров. – Также остается неясным, зачем было уничтожить драгоценность.

– Что будете делать?

– Поищу ответы.

– Где будет рыскать?

– Там, где водятся ответы, – сказал Ванзаров и подмигнул.

– Жулик, – заключил Аполлон Григорьевич, восхищаясь своим невероятным другом.

17

Шарадами, анаграммами, ребусами и прочими глупостями журнал «Ребус» не занимался. А занимался исключительно серьезными вопросами научного толка. То есть: спиритизмом, животным магнетизмом, левитацией, телепатией, ясновидением, привидениями, призраками, потусторонними явлениями, предсказаниями, фантомами и фата-морганой. Издатель журнала, господин Прибытков, выйдя в отставку в чине капитана 1-го ранга, отдавал все силы и свободное время любимому детищу и научному подходу в изучении спиритизма. Чему способствовала его покойная жена, которая была, по общему мнению, одним из сильнейших медиумов в России.

Сегодня Виктор Иванович был занят чрезвычайно. 27 декабря, как всегда по воскресеньям, должен был выйти последний номер года с самыми лучшими материалами. Номер в печать надо сдавать уже завтра, а в верстке оставалось еще пустое окно. Прибытков думал, чем его занять: статьей об очередном сеансе спиритизма Евзапии Паладино, знаменитого итальянского медиума, которую много раз ловили на обмане, или дать развернутый материал о нечистой силе в народных верованиях. Выбирать не пришлось. Нечистая сила явилась к редактору в виде коренастого господина в шапке «Рафаэль».

Этот человек принес столько неприятностей, из-за него произошло столько всякого дурного, что чуть не уничтожило журнал, поэтому видеться с ним Виктор Иванович желал бы уже на Страшном суде, где этом субъект должен получить по заслугам. А когда страшный человек снял теплую шапку и поклонился, Прибытков просто испугался. Вид шрамов и ужасной прически не сулил ничего хорошего. И усы роскошные куда-то делись. Вместо них торчали кустики-недоросли.

– Давно не виделись, Виктор Иванович, – сказал Ванзаров будто в оправдание испуганному взгляду.

Прибытков предпочел бы не видеться никогда, но все же, из жалости или вежливости, в точности неизвестно, спросил:

– Что с вами случилось?

– Ничего особенного, сходил к докторам, – ответил Ванзаров.

Виктор Иванович согласно покивал, а про себя подумал: наверняка разбойничал.

– Как поживаете? Что слышно с того света? – продолжил незванный гость так, будто ему здесь рады. Нет, ему здесь не рады. Совсем.

– Чрезвычайно занят, сдаю последний номер этого года. Совсем нет времени.

После такого намека любой воспитанный человек должен откланяться. Видимо, чиновник сыска был не тем человеком.

– Долго не задержу, – сказал он. – Всего лишь несколько вопросов.

Прибытков знал, что от этого субъекта можно отвязаться только одним способом.

– Извольте, – вздохнув, согласился он. – Только прошу вас, поскорее.

– Вам известен некий доктор Котт?

– А почему он должен быть мне известен? – спросил Виктор Иванович.

– Говорят, он занимается научными исследованиями, близкими вашему журналу.

– Какими именно?

– Точно не известно, одни слухи, – соврал Ванзаров, как полагается нечистой силе. – Вроде изобрел какой-то магический аппарат.

Когда дилетант суется в научные сферы, это всегда вызывает смех и презрение. Именно такие чувства испытал редактор уважаемого в спиритических кругах журнала. Особенно возмутило, что полиция проверяет какие-то дурацкие слухи.

– Уверяю вас, ни этот доктор, ни его занятия мне не знакомы. Скажу более: категорически не интересны, – ответил Прибытков. – Если вас интересуют по-настоящему выдающиеся личности, то могу сообщить: в последних числах декабря к нам прибудет из Варшавы Стефан Самбор, непревзойденный медиум. Будет давать сеанс, рекомендую...

Редактор с гордостью повернул снимок в рамке: слащавый юноша с усиками. Барышни таких обожают. Прибытков тоже: держит портрет на столе.

– Еще один медиум из Варшавы? – вырвалось у чиновника сыска. Следы от предыдущего гостя не зажили.

– Не понимаю вашу иронию, господин Ванзаров. Господин Самбор поистине уникален. Надеюсь, это все?

– Последний вопрос: при каких мистических практиках применяется зеркало? Насколько помню, в спиритическом сеансе вы его не использовали.

Можно было удивляться безграничной наглости и необразованности полицейского. Задать такой вопрос! Чтобы ответить на него, потребуется целая лекция. Нет, на это решительно нет ни времени, ни желания. Виктор Иванович пригласил следовать за ним. Он провел полицейского в большую залу, которая использовалась для демонстрации необъяснимых явлений. Когда их туда приглашали. Сегодня в зале находилась дама в черном платье с глухим воротником. На длинном мундштуке она курила папиросу «Нимфа», пуская карамельный дым в потолок, поближе к иным мирам. Прибытков представил Гортензию Рейс – корреспондента журнала и знатока мистических практик.

Ванзаров поклонился. Его ощупали взглядом от темечка до ботинок. В ответ дама получила не менее пристальный взгляд. Было на что посмотреть. Мадам Рейс раскинула по плечам пышные огненно-рыжие локоны, ничем не сдержанные. Ванзаров невольно подумал, что в славные времена святой инквизиции ее бы сожгли на костре. На всякий случай. А теперь приглашают в корреспонденты журнала. Образ настоящей ведьмы дополняли нос с горбинкой и жгучие черные глаза.

Между тем мгновенный портрет сообщал, что дама перешла возрастную черту, за которой нет шанса выйти замуж, мало спит, слишком много курит, характер имеет властный и дерзкий, при этом грызет ногти и пудрится, то есть глубоко прячет неуверенность; ранима и обидчива чрезвычайно, считает себя умнее всех, но готова покориться чужой воле.

Упустив дуэль взглядов, Прибытков не преминул сообщить, кого именно злая сила принесла в редакцию, попросил оказать возможную помощь и удалился так стремительно, будто сбежал.

Не предложив мужчине сесть, Рейс выдохнула в него облачко сладкого дыма.

– Вы полицейский? – спросила она. Голос под стать внешности: глубокий и манящий.

Настоящая ведьма.

– Чиновник сыскальной полиции, – привычно уточнил Ванзаров.

– Хотите вам погадаю?

– Благодарю. Мне сегодня уже погадали. Кстати, вам знакома гадалка Ленорман?

Его окатили надменным взглядом.

– Я не общаюсь с цыганками. Что же вам надо, чиновник сыска?

– Позвольте описать воображаемую сцену. Довольно поздно, около одиннадцати, некий господин садится перед зеркалом, ставит две фунтовые свечи. Он обычный торговец, в мистицизме не замечен. Что мог делать перед зеркалом?

Рейс издала загадочный смешок.

– Свечи черные?

– Обычные, восковые.

– Под зеркалом нарисована звезда Давида?

– Потертая столешница старинной консоли.

– Перед зеркалом положен труп черной кошки или вороны?

Ванзаров чуть не сболтнул, что труп был, но не животного.

– Ничего такого.

– Торговец сидел голым?

Следовало промолчать. Кажется, Рейс догадалась. Огонек папиросы на мундштуке делал круг.

– Все понятно, – сказала ведьма, таинственно улыбаясь.

– Прошу пояснить, – Ванзаров не терпел, когда понимали другие, а не он.

– Этот человек глуп. Пытается войти в сношения с силами, которых не знает и не понимает... Примитивный магический ритуал. Вероятно, начитался всякой глупости, решил испытать на себе. Добром такое не кончится.

– Что может произойти?

– Сойдет с ума... Или умрет... Зависит от воли тех, кого побеспокоил своим неумелым вторжением... Ванзаров, говорите до конца, раз начали. Что видели еще необычного?

С умными женщинами чиновник сыска любил иметь дело. Но в любом правиле нужны исключения.

– Допустим, зеркало было довольно редким.

Мадам Рейс проглотила наживку, показав явный интерес.

– У него было магическое зеркало?

– Что это такое?

– О, наивность... Отполированная медная платина. Или черный полированный камень. Или лист черной бумаги. Нечто такое?

– Венецианское зеркало XIV века, вогнутое с ртутным покрытием.

Ведьма отложила мундштук.

– О боги Шумера и Египта... Откуда...

– Он коллекционер, – как мог, ответил Ванзаров. – Это что-то меняет?

– Решительно все! – вскрикнула она. – Такое зеркало – мечта любого мага и мистика... Оно может вызвать... Впрочем, неважно... Я могу на него взглянуть?

– К сожалению, нет.

– Зеркало было разбито? – в голосе послышалась тревога.

– Если предположить, что вы правы, что означает такая неприятность?

Она резко встала, оказавшись ростом выше Ванзарова, походила, уткнув нос в сомкнутые пальцы, и остановилась напротив него.

– Неприятность? О нет... Какое легкомыслие... С зеркалами нельзя шутить... Наши барышни, которые на Святки смотрят в круглое ручное зеркальце, чтобы узнать будущего мужа, совершают большую ошибку... То, что случилось с венецианским зеркалом, не ошибка, а большая беда... Это означает, что силы, которые вызвал ваш торговец, вырвались из зеркала и остались в нашем мире. Они разбили стекло, чтобы никто не смог вернуть их обратно... Это очень плохо... Полагаю, торговец мертв? О, не стройте непроницаемое лицо, Ванзаров, я вижу вас насквозь... Эта смерть только начало... Последуют другие... Ребенку нельзя давать нож, он порежется...

Волнение мадам Рейс было настоящим. Ванзаров не мог открыть, что потусторонние силы оставили отпечаток сапога. Из кармана пальто он вынул дощечку с закрепленным шнурком.

– Для чего используется этот предмет?

Ведьма повела себя как обычная женщина: вскочила, схватилась за волосы и издала звук, будто добрый инквизитор жарил ее на костре. Трудно было предположить, что скромная дощечка будет иметь такой успех.

– О нет... Не может быть! – вскрикнула она. – Неужели? Откуда у вас это?

– Было найдено недалеко от зеркала, – ответил Ванзаров, опустив некоторые подробности. – Какой-то магический амулет?

В глубине черных глаз бегал страх.

– Дайте ее мне...

Из вежливости Ванзаров протянул. Делу о самоубийстве улика не пригодится. Рейс схватила ее и сжала обеими ладонями, как великое сокровище. Совсем не так, как сжимал кулак Морозова.

– Вы не представляете, что это такое...

– Буду благодарен, если разъясните.

– Ванзаров, это... Это просто невероятно...

18

Обычного распорядка дня Александр Ильич избегал. Он делал так, чтобы нельзя было проследить за его привычками: когда и где он бывает. Никаких регулярных событий в его расписании не было, включая выезды на службу и возвращение домой. Если бы кто-то захотел установить, в каком ресторане заместитель министра МВД привычно ужинает в субботу или где гуляет в праздничные дни, никакой системы установить бы не удалось. В случайном беспорядке его жизни нельзя было подстроить засаду или подложить бомбу под любимый столик в ресторане. Предусмотрительность Александра Ильича зашла так далеко, что по воскресеньям он никогда не посещал один и тот же храм. С недавних пор он стал опасаться за свою жизнь. Поэтому никому не доверял, включая прислугу. О своих планах не сообщал даже жене. И вообще старался не планировать жизнь. Только приглашение министра не попадало под это правило.

Сегодня Александр Ильич внезапно сообщил, что будет обедать дома. Был приглашен гость: начальник Охранного отделения полковник Пирамидов. Он так обрадовался оказанной

чести, что надел новый, недавно сшитый мундир, который берег для рождественского приема в Министерстве внутренних дел. Получив приглашение, полковник успел забежать к парикмахеру, теперь сиял лакированными висками и благоухал одеколоном. Испытывая стеснение, он держался подчеркнуто строго, стоя почти по стойке смирно. Смущение окончательно охватило его, когда в столовую вошла супруга шефа, Адель Ионовна. Полковника смутила не тонкая красота молодой женщины, которую он отметил. Мучило воспоминание: к нему явилась мерзавка, которая представилась Аделью Ионовной и заставила совершить невероятную глупость. Ошибку простили, но забыть такое невозможно. Во взгляде Адели Ионовны была приветливость, но полковнику казалось, что она над ним потешается. Пирамидова даже бросило в жар.

Заметив робость подчиненного, Александр Ильич проявил чуть больше радушия, чем желал. Пригласил отведать скромный обед из пяти блюд, завершаемый портвейном с французскими сырами. Он подмигнул Адели Ионовне, чтобы супруга была ласкова с гостем. За столом Александр Ильич вел непринужденную беседу, шутил и демонстрировал дружелюбие. Супруга была умна и очаровательна. Все выглядело так мило, что полковнику каждый кусок давался с трудом. Он натянуто улыбался, отвечал односложно и еле дышал: новый мундир был пошит в начале осени, а теперь стал слишком тугим.

После вонючего сыра, от которого Пирамидов отказался, мучениям пришел конец. Супруга, извинившись, оставила мужчин, хозяин пригласил в сигарную, хотя оба не курили даже папирос. Александр Ильич невольно копировал министра Горемыкина – устраивать подчиненным доверительный разговор. Усевшись у модного камина, который не грел, зато создавал атмосферу, он указал полковнику кресло напротив. Скрипнув ремнями, Пирамидов кое-как уселся, но сидеть мог только прямо. Чтобы швы не лопнули.

– Владимир Михайлович, могу рассчитывать, что разговор останется между нами?

Полковник заверил: в его преданности можно не сомневаться.

– Что удалось выяснить о той барышне? – последовал вопрос, которого начальник охраны ждал. Не нужно уточнять, о ком спрашивает шеф.

– Ничего, ваше превосходительство.

– Совсем ничего?

Пирамидов отрицательно дернул головой.

– Проверили картотеки, расспросили всех агентов. Сделано все, что возможно.

Можно не сомневаться, что полковник душу вынул из подчиненных, искупая свой грех. Александр Ильич не сомневался. Но проверить надо.

– Вы теперь познакомились с моей женой и за обедом могли достаточно изучить ее, – сказал он. – Возможно, это она приходила? Не бойтесь сказать правду.

– Исключено, – убежденно ответил полковник. – Между Адель Ионовной и той гаденой, простите, ваше превосходительство, ничего общего. Разве только возраст. Меня ввели в заблуждение уверенность и дерзость ее поведения.

«А еще желание услужить начальству», – подумал Александр Ильич. Но благосклонно кивнул.

– Отрадно слышать, Владимир Михайлович, сняли камень с души. Остается вопрос: кто она такая? Вам ничто не показалось странным?

Напрягая все извилины, начальник охраны так и не смог выжать из себя ничего, кроме очевидного признания.

– Рассмотрим этот вопрос с другой стороны, – продолжил Александр Ильич. – Что вы думаете о чиновнике сыска Ванзарове?

Надо было угадать, что хочет услышать шеф: личное отношение Пирамидова или похвалить за пронырливость. Размышлять некогда. Пришлось делать выбор.

– Считаю его исключительно скользим, если не сказать подозрительным типом.

– Хорошо, что имеете свое мнение и не поддаетесь всеобщим восторгам в отношении этой личности, – сказал Александр Ильич. Полковник смог вздохнуть с облегчением. – Что думаете о его роли в поисках машины страха?

– Считаю, что он обвел всех вокруг пальца, ваше превосходительство.

– То есть обманул и вел нечестную игру?

– Так точно. Не удивлюсь, если Ванзаров добивался каких-то своих целей.

– И возможно, их добился, – подхватил Александр Ильич. – Я пришел к такому же выводу. Этот субъект крайне подозрителен. Не удивлюсь, если он подстроил все, что случилось, когда машина страха погибла у всех на глазах. Не удивлюсь, если это была вовсе не машина страха, а фальшивка. Не удивлюсь, если Ванзаров стоял за трагедией, которая чуть не разыгралась в этой квартире восемь недель назад.

Вывод был столь неожиданный, что полковник не сразу осознал его значение.

– А зачем ему это понадобилось?

– Хороший вопрос, Владимир Михайлович... Или Ванзаров сам играет в какую-то сложную игру с непонятными целями. Или он – всего лишь исполнитель чужой воли, винтик в чем-то преступном заговоре.

– Я так и знал! Какой подлец! – вырвалось из души полковника. – Простите, ваше превосходительство.

– Что вы, голубчик, рад, что вы искренно преданы службе... Раз наши мысли сходятся, делаем вывод: вы не можете найти эту барышню потому, что не там искали. Вы проверяли ваших революционных подопечных, а надо было искать рядом с Ванзаровым.

– Прикажете арестовать и допросить?

Такую горячность Александр Ильич погасил взмахом руки.

– Ни в коем случае, голубчик... Ванзаров отопрется и затаится. Да еще найдутся защитники и покровители. Нет, с ним надо действовать умно и расчетливо.

– Что прикажете?

– Установите за ним наблюдение... Не торопитесь, Владимир Михайлович, филерам петербургского отряда поручать нельзя. Старший филер Курочкин с Ванзаровым приятельствует, будет доложено сразу... Я позаботился, прибыли филеры из московского отряда, они в вашем распоряжении. Глаз с него не спускать, но соблюдать предельную осторожность, он зверь матерый...

– Так точно.

– И еще. Ванзарову поручено провести опыты над одним любопытным изобретением, которое может принести большую пользу нашему делу. Как полагаете, что доложит Ванзаров?

– Доложит, что изобретение бесполезно, – сообразил Пирамидов.

– Конечно! Сам же припрячет для своих целей... А когда мы это установим, быть может, обнаружим машину страха, которую он скрывает. Согласны, Владимир Михайлович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.